

В.В. Майко

ХАЗАРО-РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ X В. И КРЫМСКАЯ ХАЗАРИЯ

V.V. Majko. Chazarian-Russian-Bizantine Relation in the Second Half of X c. and Crimean Khazaria.

The middle of X c. in Crimea saw appearance of a new material culture with no genetic basis in previous Old Bulgarian antiquities of the peninsula. Most of the settlements of Crimean variant of Saltovo-Majaki culture perishes or is deserted; instead, material finds, new for Tavticia, are fixed in stratigraphical sections of the sites. At the same time, these new cultures have a number of features inherent to early medieval Turk cultures of East Europe and Northern Caucasus. Its last occurrence on the peninsula is connected with migration of the North Caucasus Turks to Crimea after the campaign of 941 under leadership of Pesach. It is described in Cambridge Anonim. This culture of the second half of X — beginning of the XI c. appears to be an archaeological equivalent of Crimean Khazaria of the second half of X c.

Одной из важных и принципиальных проблем раннесредневековой истории и археологии Восточной Европы является вопрос о гибели Хазарского каганата. Для большинства археологов это связано с гибелью салтовско-маяцкой археологической культуры, бывшей археологическим эквивалентом и в какой-то степени нивелирующим инструментом этнически пестрой Хазарии. Для многих историков это событие связано с известным походом киевского князя Святослава 965 г., хотя, по справедливому замечанию А.П. Новосельцева, в ПВЛ речь идет только о поражении хазарского войска, потере Саркела и военных действиях против ясов и касогов, в это время практически независимых от каганата (Новосельцев 1990: 220)¹. Составной частью этой кардинальнейшей проблемы, является вопрос о времени и причинах прекращения существования салтовской культуры Крыма. В свою очередь эта последняя проблема для полуострова, как ни для какого-либо другого региона Хазарии, неразрывно связана с вопросом о культуре сменяющей крымскую праболгарскую салтовскую. Исходя из этого в предлагаемой работе эти две взаимосвязанные кардинальные проблемы археологии и истории раннесредневековой Таврики будут рассматриваться в комплексе.

Начнем с очень беглого обзора источников и краткой историографии, так как, во-пер-

вых, эта работа в значительной степени была проделана как отечественными, так и зарубежными специалистами в области истории, источниковедения и археологии. Во-вторых, подробный анализ всего комплекса первоисточников — тема специального комплексного исследования. Относительно общей проблемы гибели Хазарского каганата, существует достаточно известный комплекс письменных источников, как древнерусских, так и византийских, еврейских и особенно арабских. Последние детально проанализированы в монографии А.П. Новосельцева (Новосельцев 1990: 221-222). Часть из них не только частично раскрывает картину похода или походов киевского князя Святослава против хазарского государства, но и свидетельствует о существовании хазар и хазарского царства после 60-х гг. X в. Однако, приведенные данные письменных источников ничего не сообщают о причинах и времени гибели Крымской Хазарии. Ценнейшим и практически единственным источником, проливающим свет на этот вопрос, является т.н. Кембриджский Аноним, речь о котором пойдет ниже. О дальнейшей судьбе Крымской Хазарии можно почерпнуть ценную информацию из нескольких древнерусских (ПВЛ, Память и похвала... Иакова Мниха), византийских (Константин Багрянородный, Лев Диакон, Скилица и Кедрин) и, особенно, упомянутого комплекса еврейских письменных источников. Напомним, что в этот сложный и неоднозначный комплекс письменных источников входят не только документы знаменитой еврейско-хазарской переписки и т.н. Киевское письмо, впер-

¹ Несколько более масштабную картину похода рисуют арабские письменные источники, что послужило поводом для известной дискуссии о количестве походов Святослава на Хазарию. Ее рассмотрение не входит в задачи нашей работы.

вые опубликованное Н. Голбом и О. Прицаком (Golb, Pritsak 1982: 240), но и целый ряд т.н. Приписок на полях Крымских библий (Хвольсон 1866: 20-188), как проанализированных с критических и не вполне объективных позиций (Гаркави 1876: 1-28), так и упомянутых и частично проанализированных в литературе (Баранов 1990: 153; Ачкинази 1994: 83-84; Ачкинази 1997: 17-18; Ачкинази 2000: 46-53; Майко 1999а: 176-181), а также сообщения еврейских путешественников более позднего времени (Новосельцев 1990: 8; Ачкинази 2000: 5). Их детальный источниковедческий анализ, в частности и вопросы доказательства подлинности или фальсификации, тема отдельной масштабной и далеко не завершенной работы².

Историография проблемы гибели Хазарии на основании письменных источников, как указывалось выше, коротко, но емко рассмотрена А.П. Новосельцевым, что избавляет от излишних повторений (Новосельцев 1990: 222-223). Литература проблемы гибели Крымской Хазарии в конспективном виде рассмотрена в ряде работ К. Цукермана, что также избавляет от повторений (Цукерман 1998а: 676). В настоящее время, в историографии именно этой последней проблемы, как и в целом проблемы гибели государства можно выделить несколько основных направлений. Это традиционное — «печенежское», новое — «венгерское» и комплексное, провозглашенное И.А. Барановым. Согласно последнему исследователю главной причиной гибели сатово-маяцкой культуры Крыма была сложность и противоречивость хазаро-руско-византийских отношений X в. Однако, автор совершенно не расшифровывает этот верный, на мой взгляд, для середины X в. тезис. Можно было бы выделить и четвертое направление — «русское», но необходимо сразу оговориться, что по справедливому мнению большинства специалистов, рассматривавших эту проблему, поход Святослава 965 г., катастрофические последствия которого для Хазарии несколько преувеличены, не затронул юго-восточную Таврику и связывать с ним гибель салтовской культуры полуострова нет оснований. Более того, нет абсолютной уве-

ренности в том, что войска киевского князя вошли в Тмутаракань, и тем более овладели Боспором. Совершенно молчат об этом и письменные источники. Вероятнее всего, будучи в этот период союзником Византии, Святослав не собирался пока сталкиваться с империей на «крымской» почве. Так что, вероятнее всего, эта традиционная точка зрения о гибели Хазарии, для Таврики не приемлема.

Среди общих историографических замечаний отметим сильно затрудняющий решение этого кардинального вопроса факт традиционного признания ослабления Хазарского государства, раздираемого центробежными тенденциями, в первой половине X в. Отмечается ослабление политической и экономической активности Хазарии даже на территории Северного Кавказа. Исходя из этого признания заведомо приувеличенными сведения хазарского царя Иосифа о границах Хазарии в середине X в. К сожалению, и в данном случае, и практически во всех остальных, сторонники всех направлений, среди которых немало археологов, практически не приводят данных археологических раскопок в пользу своих научных построений. Что касается Таврики, письменные источники, за редким исключением, используются не полностью, тенденциозно и отрывочно.

Что касается второй составной части проблемы, т.е. вопроса о дальнейших судьбах Хазарии в том числе и Крымской после крушения каганата, то он волнует историков и археологов на протяжении уже не одного столетия. Поиск хазарских наследников, продолжающийся и сейчас, к сожалению, зачастую приобретает и политический характер. Так или иначе, эта сложнейшая проблема, запутанная в течение как минимум двух столетий до невероятных пределов, поднималась практически во всех более или менее обобщающих работах, посвященных Хазарии. Многие авторы и раньше (Новосельцев 1990: 52, 112), и сейчас, часто не утруждая себя поиском доказательств, в этой связи упоминают Крымский полуостров как одну из главных территорий концентрации хазарского этноса после политического краха каганата. Приходится констатировать, что и здесь авторы, среди которых археологов значительно меньше, за редким исключением не привлекают материалы археологических раскопок. Вопрос о материальной культуре «хазарских наследников» вообще не стоит на повестке дня, даже среди тех исследователей, в том числе и историков, которые признают факт существования этих наследников. Значительно усложняет эту часть проблемы, во-первых, бесспорный факт свидетельствующий о том, что археологические памятники салтово-маяцкой культуры, являющейся археологическим эквивалентом населения Хазарского каганата, за исключением отдельных северо-кавказских

² В недавно вышедшей монографии И.В. Ачкинази упоминает еще один интересный комплекс источников (Ачкинази 2000: 47). Это свидетельства ученых-караимов X-XI вв., происходящие из караимских кругов времени существования Хазарии и характеризующие, пусть и не всегда объективные, представления о хазарском прозелитизме этого периода. Помимо ценной информации о караимской или ортодоксально иудейской сути хазарского иудаизма, они содержат некоторые косвенные данные и о самой Хазарии этого времени (Апкоп 1959). Данные источники, как и предшествующая работа, коротко проанализированы и в статье С. Шизмана (Szyzmań 1993: 55-75). Однако поиск именно этой последней информации — тема отдельного исторического и филологического исследования.

поселений, не существуют позже середины X в. Во-вторых, невозможность выделения надежного археологического эквивалента и этнического индикатора т.н. этнических хазар на всем протяжении существования государства. Наконец, не в полной мере используются и данные письменных источников.

Рассмотрим основные аргументы сторонников каждой из трех основных точек зрения о гибели салтовской культуры Таврики и дальнейших судьбах Крымской Хазарии.

Во-первых, до сегодняшнего дня немало специалистов, с различного рода оговорками, склонно считать главной причиной гибели салтово-маяцкой культуры Крыма нашествие печенегов. Среди последних работ, где концептивно изложена историография печенежской концепции гибели салтовской культуры Крыма, можно назвать статьи К. Цукермана и Т.А. Макаровой (Цукерман 1998а: 676; Макарова 1982: 99), что избавляет от излишних повторений. Добавим, что эта точка зрения, от долгого повторения превратившаяся в аксиому, правда несколько модифицированная, получила распространение и среди зарубежных археологов. Так, по мнению Ил. Димитрова, после 889 г. над праболгарскими поселениями в Подонье и Крыму разразилась тяжелая катастрофа, связанная с нашествием печенегов. После этого протоболгарские поселения больше не возобновлялись. Праболгары бежали в Черноморское добруджанское побережье (Димитров 1992: 19-24). Относительно последнего замечания, о бегстве в Болгарию надо отметить, что оно может оказаться и верным, только с учетом предлагаемой мной хронологии событий. Ведь именно в середине и второй половине X в. в памятниках эпохи первого болгарского царства появляется технологически абсолютно схожая кухонная посуда.

В качестве примера традиционно приводятся хорошо известные данные середины X в. Константина Багрянородного о пачинакитах, соседствующих с Херсоном и склонных выполнять различные поручения императора (Константин Багрянородный 1989: 37). Однако, археологические исследования предшествующего времени и последних лет красноречиво свидетельствуют о том, что, во-первых, в стратиграфии большинства праболгарских памятников юго-восточной части полуострова отсутствуют следы пожаров и разрушений, связываемых с нашествием печенегов (Кропоткин 1958: 218). Во-вторых, печенежские погребения в Крыму единичны. Лишь в Присивашье в насыпях более ранних курганов выявлены могилы, условно связываемые с печенегами (Айбабин 1999а: 6; Айбабин 1995: 211). Погребенные захоронены головой на запад с поясными бляшками, саблями и украшениями X в. В одной из них рядом с погребенным лежали череп и кости коня. Типологически эти погребения имеют

общие черты с захоронениями печенегов, обнаруженными в Причерноморье (Орлов 1999: 174-185). Нет печенежских материалов, за исключением единичных экземпляров керамики, в городских слоях середины X — начала XI вв. По справедливому мнению специалистов, печенеги только ненадолго заходили со своими стадами в Крымскую степь (Айбабин 1999а: 6), а их кочевья располагались к северу от полуострова (Константин Багрянородный 1989: 282-283, прим.14). По мнению последнего автора, печенеги, вклинившись между Хазарией и подвластными ей крымскими городами, лишь ненадолго прервали их экономические связи (Константин Багрянородный 1989: 282, прим.14).

О крымских печенегах говорится в т.н. Приписке 59 на полях Крымских Библий, уже рассмотренной в литературе (Баранов 1990: 152), где упоминается захваченная печенегами хазарская Сугдея (Хвольсон 1866: 66-67). Но, во-первых, событие датируется 70-ми гг. X в., во-вторых, отмечена именно хазарская Сугдея, т.е. имеющая хазарскую администрацию. Очевидно, воспользовавшись номинальной властью Византии, город захватывают печенеги. Однако власть последних была не только номинальной, но и кратковременной, не связанной с изменениями этнического состава населения (Майко 1999а: 180).

В последнее время К. Цукерманом, а следом за ним и А.И.Айбабиным выдвинуто предположение, поддержанное без всякой критики некоторыми специалистами (Сорочан 1998: 46) о вытеснении венграми хазар из юго-восточного Крыма во второй половине IX в. Критика предложенной интересной и новаторской концепции авторов была высказана мной практически сразу после ее опубликования и тезисного опубликования на Украине (Мастыкова, Гавритухин, Казанский 1999: 244). Затем коротко рассмотрена в ряде работ. Еще раз отмечу, что самым главным является, на мой взгляд, то, что все праболгарские комплексы этой части полуострова существуют без видимых изменений всю вторую половину IX и первую половину X вв. В стратиграфии заполнения объектов периода их функционирования, в том числе и раскопанных А.И.Айбабиным в Керчи, отсутствуют следы каких-либо пожаров или разрушений, неизменными остаются основные компоненты материальной культуры, в том числе и керамического комплекса. Более того, в слое разрушения салтовских построек в портовой части, где и обнаружены монеты Константина VII и Романа II. С другой стороны, во-первых, весьма проблематично, несмотря на предпринимаемые в литературе попытки, выделить археологических материалов, являющихся этническим индикатором венгров как второй половины IX в., так и всего периода «завоевания Родины». Во-вторых, в Крыму действительно выделяется группа по-

гребений аналогичных мадьярским захоронениям Приуралья, Прикамья и Прикубанья с погребальным инвентарем, включающим то-рептику урало-сибирского круга. Однако, указанные погребения уникальны для салтово-маяцких могильников полуострова и датируются не позднее середины VIII в. Впускные же кочевнические погребения Причерноморья и Карпатского региона, связываемые с венграми середины X в., в Крыму до сегодняшнего дня пока неизвестны.

Исходя из важности и масштабности выдвинутой К. Цукерманом и А.И. Айбабиным «венгерской» концепции, коротко рассмотрим и исторические аргументы авторов в пользу ее защиты. Во-первых, даже если факт выдачи в жены царю венгров Леведии знатной хазарки и означал признание права венгров на захваченные земли, то скорее всего это была вынужденная политическая мера и речь шла о причерноморских степях, к этому времени достаточно прочно захваченных мадьярами. Именно там и локализуется Константин Багрянородный страну Леведию. Во-вторых, сведения Константина Философа о хазарской армии, осадившей христианский город в период подготовки отъезда миссионера из Херсона в Хазарию, отнюдь не свидетельствуют о том, что эта армия была венгерской, прямых или даже косвенных упоминаний в тексте Жития этого факта мы не находим. Другой пассаж Константина Философа о нападении на его миссию разбойных отрядов, не свидетельствует в пользу предложенной концепции. В тексте четко говорится о переговорах Философа с хазарским воеводой Фулл, что естественно предполагает наличие в городе хазарской администрации. Нападение на Константина разбойники могли быть кем угодно. Возможно и частью хазарского населения, недовольного христианизацией жителей городища. В этой связи интересным и проливающим некоторый свет на проблему выглядит предположение И.А. Баранова. Суть его сводится к тому, что сама миссия Константина Философа была инспирирована хазарской партией, лояльной к Византийской империи и противопоставлявшей себя правящей хазарской верхушке, принявшей иудаизм (Баранов 1999: 6-7). Это было политическое противостояние с традиционным для средневековья использованием религиозных методов.

Важным аргументом в концепции авторов является приводимые арабским историком Ибн-Русте сведения о том, что мадьяры уведят пленных славян в Карх, в стране Рум. Даже если локализовать Карх в Керчи, то присутствие там славянских пленников, выставленных для продажи, не является даже косвенным аргументом в пользу предположения о венгерском протекторате над городом и отсутствии там в третьей четверти IX в. хазарской администрации. Керчь, как известно, являлась одним из

крупнейших торговых городов Таврики и наличие там большого количества купцов, в том числе и венгерских, не удивительно. Отлично известно, что хазары всячески поощряли развитие торговых отношений с различными странами и племенами. Необходимо вспомнить и о сведениях других арабских историков (Ибн Хордадбега и Ибн-ал-Факиха), приводимые А.П. Новосельцевым, согласно которым район Керченского пролива в IX в. несомненно находился в руках хазар (Новосельцев 1990: 133).

Сложнее обстоит дело с неоднократно упоминаемым письмом патриарха Фотия к Антонию архиепископу Боспора. Авторы датируют его 873 г. Речь в документе, как известно, идет не о возможности, а скорее о желательности обращения в христианство иудеев Боспора. На этом основании делается вывод о том, что Керчь-Боспор уже не принадлежал хазарам. Во-первых, из этого совершенно не следует, что он принадлежал или контролировался венграми. Во-вторых, Керчь-Боспор был отнюдь не единственным и основным хазарским бастионом в Крыму. К сожалению, археологическая аргументация за или против этого предположения в силу объективных причин далеко не достаточна. До сегодняшнего дня фортификационные сооружения города VIII — первой половины X вв. изучены слабо и представлены фрагментом крепостной стены. Значительно лучше исследована хазарская фортификация Сугдеи, позволяющая предполагать наличие здесь одной из самых мощных хазарских крепостей в Крыму, отнюдь не уступающей Боспорской. В-третьих, на всей территории юго-восточного Крыма, особенно в городских центрах, как свидетельствуют разнообразные археологические материалы, именно в это время идет активный процесс христианизации местного населения носителей крымского варианта салтово-маяцкой культуры. Это была дипломатическая победа Византии и хазарская администрация в силу объективных и субъективных причин, относилась к этому неизбежному явлению спокойно. Ненасильственная естественная христианизация воспринималась нормально и хазарской верхушкой. Другое дело, если христианизация иудеев, предпринятая Романом I значительно позже, в 40-е гг. X в., на территории Византии, была явно направлена против Хазарии, являясь политическим шагом, повлекшим за собой целый ряд исторических последствий. В том числе, по сообщению Аль-Масуди, и переселения части евреев на территорию каганата. В дальнейшем сами авторы признают, что предполагаемое ими венгерское господство в Крыму было, мягко говоря, своеобразным. Последние не пытались контролировать городские пункты и внедрять там свою администрацию и гарнизоны. Полуостров представлял для них побочный интерес.

Вопрос о гонениях иудеев Боспора рассматривается И.В.Ачкинази на основании т.н. Приписки из Карасубазарской синагоги, датированной 905-909 гг. Временем изгнания иудеев из этого города в начале X в. датирует автор и время прекращения хазарского господства на Боспоре и переход его под власть Византии (Ачкинази 1994: 84). Однако трудно предположить, что потеряв контроль над Боспором, Хазария контролировала остальные крымские территории, куда и бежали, по мнению автора, изгнанные. Вероятнее всего, в документе речь идет действительно об изгнании общины иудеев, а не о хазарском населении, принявшем иудаизм. Напомним, что в подавляющем большинстве приписок этого хронологического периода четко различаются «братья наши кадари» и иудейские общины полуострова.

Исходя из всего вышесказанного, в заключение этого небольшого историографического обзора отметим, что вряд ли сложные, противоречивые и неоднозначные политические взаимоотношения Венгрии с Хазарией вылились в последней четверти IX в. в какие-либо события, связанные непосредственно с Крымским полуостровом. Точно так же недоказуемым выглядит пока тезис о ликвидации венгерского владычества в Таврике печенегами в конце 80-х гг. IX в. Даже если предположить, что ликвидирована была только хазарская администрация, то несомненно местное население, подчиненное Хазарии, не могло остаться в стороне. Такие масштабные для полуострова события должны были, как отмечалось выше, как-то фиксироваться археологически.

Особую позицию занимает в этом вопросе И.А.Баранов. По его мнению, гибель салтовской культуры Крыма связана со всем комплексом русско-византийско-хазарских отношений середины X в. Правда автор не уточняет, что именно имеется в виду. Тезис о том, что праболгары, носители крымского варианта салтовской культуры стояли на пути как византийских, так и русских интересов (Баранов 1990: 152-153), нуждается в дополнительной аргументации. В докторской диссертации автор несколько конкретизирует свою точку зрения, считая началом гибели салтовской культуры полуострова поход Святослава 965 г. Воспользовавшись его последствиями и последующей гибелью князя, империя полностью вытесняет хазар из Крыма, уничтожая местное население при проведении боевых действий (Баранов 1994: 37). Отметим, что аргументация вышесказанного положения в автореферате работы, как и в самой диссертации отсутствует. Еще раз напомним в этой связи, во-первых, удивительное молчание византийских, впрочем как и всех остальных письменных источников о столь внушительных военных действиях середины X в. в Крыму. Это при том, что походы Святослава и действия Иоанна Цимисхия описаны Львом

Диаконном достаточно подробно. Во-вторых, местное население, как указывает И.А. Баранов, будучи христианизированным, тесно контактировало с византийским, подвергаясь греко-малоазиатскому влиянию (Баранов 1994: 36). Какой же смысл был уничтожать в ходе крупной военной компании³ своих союзников?

Что касается историографии проблемы дальнейших судеб Крымской Хазарии второй половины X в. «хазарского наследия», то археологические реалии свидетельствуют о том, что в середине X в. в юго-восточном Крыму появляется совершенно новая материальная культура, не имеющая генетической подосновы в предшествующих салтово-маяцких древностях полуострова. Возникновение жилых комплексов, уникальных культовых сооружений, содержащих совершенно новый керамический комплекс, на основании нумизматического материала и данных стратиграфии четко датируется именно серединой X в.

И.А. Барановым впервые было высказано предположение, что фиксируемая на полуострове культура связана с тюркскими древностями Северного Кавказа и Прикаспия (Баранов 1994: 6). Но при этом, во-первых, автор рассматривает эту новую культуру как один из вариантов государственной культуры Хазарского каганата. Во-вторых, по его мнению, она генетически связана со склепами хазарской знати середины VIII в., принявшей иудаизм, которые были исследованы в Сугдее. В-третьих, именно она, существенно отличаясь от салтовской, является материальной культурой неуловимых археологически т.н. этнических хазар. В-четвертых, исходя из вышесказанного, она датируется в рамках IX — первой половины X вв. Ввиду принципиальности вопроса остановимся на каждом утверждении отдельно. Что касается первого, то оно верно, если речь идет о данной культуре до переселения ее носителей на Крымский полуостров. На территории же Таврики памятники этнически неоднородных переселенцев, смешавшихся еще более в процессе переселения, имеют ряд закономерных отличий. Они связаны, во-первых, с новым этапом их исторического развития, во-вторых, с новым этническим окружением, новой исторической ситуацией. Таким образом, анализируемая культура северо-кавказских тюрок, переселившихся в Таврику, является своеобразным симбиозом археологических культур населения Северного Кавказа середины X в. и Византийских центров. В новых условиях раннесредневековой Таврики переселенцы создали новую культуру, впитавшую в себя культурные элементы, характерные для нескольких культур различных регионов Северного Кавказа. Очевидно, в Крыму они сме-

³ Автор связывает с ней наличие повсеместных пожаров середины X в. на салтовских памятниках полуострова.

няют праболгарские памятники салтово-маяцкой культуры. Как показывают данные стратиграфии и хронологические разработки, между ними практически нет точек соприкосновения. Таким образом, перед нами самостоятельная тюркская культура Таврики, только на первых порах связанная с Хазарским каганатом. После его распада она становится культурой населения юго-восточного Крыма второй половины X в. и существует без видимых изменений до начала XI в. Безусловно, очень сильное влияние на анализируемую культуру оказало византийское окружение, проявившееся как в области материальной, так и духовной культуры. Во-вторых, хронологическая разница между склепами хазарской знати, принявшей иудаизм, исследованными в Сугдее, и памятниками рассматриваемой материальной культуры почти 200 лет.

Сложнее выглядит вопрос этнической атрибуции новой материальной культуры как хазарской. В археологической литературе предпринимались неоднократные попытки выделить археологические памятники, принадлежащие именно этническим хазарам. Причем, эта проблема остается актуальной не только для территорий Подонья, Приазовья и Крыма, но и для самого Северного Кавказа. По мнению А.В. Гадло, передвижение собственно хазарских групп в период образования каганата и совместная борьба с северо-кавказскими племенами против арабов, привела к их политической и этнической интеграции (Гадло 1994:42). На основании изучения погребального обряда салтово-маяцкой культуры выработалась своеобразная аксиома, согласно которой грунтовые ямные погребения относят к праболгарскому, катакомбные — к аланскому, а подкурганые — к хазарскому вариантам этой культуры. Выработаны и своеобразные критерии хазарских погребений (невысокая курганная насыпь над подбойной могилой, ограниченной часто ровиками, погребение в подбое коня, относительное богатство погребального инвентаря и т.д. (Плетнева 1990: 82). В последнее время выделяется даже археологическая культура курганов с квадратными ровиками, вместе с тем, отмечается сложный этнический состав и неоднородность оставившего их населения (Семенов 1997: 63; Сорокин 1997: 64). Однако, во-первых, все известные к этому времени подбойные подкурганые захоронения, в том числе и крымские (Айбабин 1975: 199; Баранов 1990: 113), датируются не позднее середины VII в. Во-вторых, наличие в подбое коня, по справедливому замечанию Ч. Балинта, поддержанному И.А. Барановым (Баранов 1990: 115), позволяет говорить скорее о социальной, нежели этнической характеристике погребенных. В-третьих, в настоящее время не определены особенности хазарского антропологического типа, не проведено сравнительного антропо-

логического анализа данной группы погребений. Все это, вместе с разрушенностью и разграбленностью многих захоронений, сильно затрудняет их датировку и этническую атрибуцию. В любом случае, даже если и некоторые из них принадлежат этническим хазарам, они характеризуют хазарское общество на предшествующем нашему, историческом периоде.

То же можно сказать и о погребальных памятниках этнических хазар Крыма, выделяемых И.А. Барановым. В настоящий момент, ввиду отсутствия антропологических исследований, на основании его изучения, в качестве главного критерия выделения крымских памятников, оставленных этническими хазарами или населением, в состав которого они входили, можно предложить наличие целого комплекса различных иудейских элементов в тюркской материальной культуре. Напомним, что в указанной культуре они безусловно имеются (Майко 1999в: 72-73), но наряду с христианскими и зороастрийскими элементами. Таким образом, считать рассматриваемую культуру, сменяющую салтовскую, принадлежащей только этническим хазарам нет оснований.

Если, следуя за некоторыми исследователями, считать появляющуюся культуру чисто византийской, то кроме отсутствия прямых аналогий на территории империи, невозможно найти в письменных источниках объяснение факта массового заселения византийцами юго-восточного Крыма в середине X в. и гибели в связи с этим праболгарских памятников полуострова. Тем более, что, согласно археологическим источникам, сильно византизированные и христианизированные праболгары и так поддерживали империю. Их зависимость от каганата была номинальной и завоевывать их не было смысла.

Одной из отличительных особенностей этой культуры является наличие в наиболее ранних археологических комплексах относительно большого процента находок древнерусского (киевского) производства. Для комплексов Сугдеи это шиферные прясла, относящиеся по своим параметрам к наиболее ранним экземплярам (Сагайдак 1991: 92), несколько фрагментов стеклянных витых браслетов (Сагайдак 1985: 156, рис. 17), два керамических яйца-писанки, одно из которых, обнаруженное в заполнении могилы 4 некрополя Судак-II, имеет прямые аналогии с экземпляром, найденным при раскопках древнего Киева (Брайчевська, Михайлов, Сагайдак 1993: 228, рис. 10, 1). При этом отметим, что начало производства писанок относится к X-XI вв. (Боровский 1992: 110), а массовый импорт только к середине XI в. (Брайчевська, Михайлов, Сагайдак 1993: 227). Уникальным является фрагмент ручки грушевидной крупной рифленой амфоры с массивными уплощенными ручками, отходящими непосредственно от края венчика, имеющего ярко выраженный

паз для крышки. Практически целый экземпляр подобной амфоры обнаружен в комплексе второй половины X в. в Херсонесе и неоднократно опубликован (Якобсон 1950: 117, рис.38, 7; Якобсон 1979: 72, рис.43, 7). Данные амфоры редки для Таврики и существуют, вероятно, с рубежа IX-X вв. до середины XI вв. На фрагменте толстой линией четко прочерчены буквы А (Аз) и Б (Буки) (Баранов 1991: 156-157). И.А. Баранов датировал граффити второй половиной IX в., связывая его появление с миссией Константина Философа в Крыму по христианизации хазар полуострова. Однако, во-первых, ручка амфоры, на которой зафиксировано граффити, не принадлежит т.н. амфорам с венчиком в виде «отложного воротничка», хотя и они появляются в юго-восточном Крыму не ранее середины X в. Во-вторых, исходя из хронологии описанных выше амфор, датировки объекта, где был обнаружен артефакт, и палеографического анализа самих букв, граффити, на наш взгляд, датируется серединой X в. Хотелось еще раз подчеркнуть, что в данном случае рассматриваются только древнерусские находки, происходящие из закрытых комплексов указанной новой материальной культуры, которые достаточно четко датируются серединой — второй половиной X в. Безусловно, наличие остальных многочисленных материалов древнерусского производства известных в археологических комплексах Таврики более позднего времени XI-XIII вв. (Фронджуло 1974: 145, рис.8; Юрочкин 1997: 110-112), является следствием как торговых контактов населения Крымского полуострова с Русью, так и других экономических и политических причин. Их рассмотрение не является задачей данного исследования. Объяснение факта наличия в комплексах указанной культуры раннего древнерусского материала напрямую связано с реконструкцией некоторых аспектов хазаро-византийско-русских отношений в середине X в.

Возвращаясь к главному вопросу нашей работы, еще раз подчеркнем, что именно обострение этих отношений трех крупнейших государств юго-восточной Европы и было главной причиной гибели салтовской культуры Крыма и Крымской Хазарии VII — первой половины X вв. Попытаемся доказать и расшифровать это принципиальное положение, выдвинутое И.А.Барановым на основании комплексного анализа данных письменных источников и археологических исследований.

Главным письменным источником, позволяющим проиллюстрировать и конкретизировать этот тезис, на наш взгляд является прежде всего уже упомянутый т.н. Кембриджский Аноним. Его краткой источниковедческой оценке был посвящен ряд отдельных работ (Кокковцев 1932: 117-120; Новосельцев 1990: 216-217; Голб, Прицак 1997: 140-146; Zuckerman

1995: 237-270; Майко 1997: 109-121), что избавляет от необходимых повторений. Упомянется он с 1912 г. практически во всех работах, так или иначе связанных с Хазарией. Отметим, что интерес к документу с течением времени не ослабевает и все большее число специалистов, несмотря на живучесть некоторых старых скептических оценок (Новосельцев 1990: 217) считает его полноценным историческим документом. При этом, многие выводы исследователей, в том числе и предлагаемые в данной работе, строятся на основании анализа не только самого источника и исторической ситуации, но и археологического материала.

Нельзя не отметить, что существует не менее значительная по объему историография попыток исторического истолкования изложенных в документе событий (Ю.Д. Бруцкус, В.А. Мошин, Н.Я.Половой, И.А. Баранов, К. Цукерман), частично изложенная в работе Б.Г.Горянова (Горянов 1945: 262-277). Отметим, что при этом все исследователи относились к документу как к историческому источнику. Однако, никем из них, за исключением отдельных замечаний Ю.Д. Бруцкуса, не ставились в зависимость изложенные в Кембриджском Анониме события середины X в., повторю даже теми, кто признавал их историчность, и гибель праболгарской салтовской культуры Крыма.

Как известно, Кембриджский Аноним содержит зачастую уникальную информацию практически по всем ключевым моментам политической и идеологической истории Хазарии. Прежде всего документ привлекался для анализа причин и механизма принятия иудаизма Хазарией и его караимской или раввинистической формы. Для нашей темы представляет интерес именно тот небольшой по объему отрывок Анонима, где повествуется о русско-хазаро-византийских отношениях в середине X в. и о событиях, происшедших в это время на полуострове. Разбор других событий, изложенных в документе, в частности о времени принятия хазарами иудаизма, тема отдельного исследования. Отмечу лишь, что свидетелем их в отличие от конфликта середины X в. автор документа не был.

Процитируем еще раз перевод источника, сделанный П.К. Кокковцовым (Кокковцов 1932: 120) с некоторыми современными вставками и реконструкциями: «...(Так же и) во дни царя Иосифа, моего господина, аланы были⁴ (В.М.)

⁴ Предложенная на основании археологической и исторической ситуации реконструкция подтверждается и независимыми филологическими исследованиями. Так, в последнем издании русского перевода текста Кембриджского Анонима (Голб, Прицак 1997: 141) данный пропуск реконструируется Н. Голбом как «... И еще, в дни Иосифа царя, моего господина, (он искал) его помощи, когда гонение обрушилось во время дней Романа злодея. ...» По мнению автора, реконструировать с полной вероятностью, связано ли подлежащее (он) с царем алан или же с самим Иоси-

(ему подмогой), когда было гонение (на иудеев) во дни злодея Романа. (И когда стало известно это) дел(о) моему господину, он ниспроверг множество необрезанных. А Роман (злодей послал) так же большие дары Х-л-гу царю Руси, и подстрекнул его на его (собственную) беду. И пошел он ночью к городу С-м-к-раю и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, раб-Хашмоная. И стало это известно Бул-ш-ци, т.е. досточтимому Песаху⁵ и пошел он во гневе на города Романа и избил и мужчин и женщин. И взял он три города, не считая большого количества селений⁶. И оттуда он пошел на (город) Шурушун... и воевал против него...».

Во-первых, если принять предложенную реконструкцию текста, в данном отрывке Кембриджского Анонима речь идет о союзе хазар с аланами после хазаро-аланской войны 932 г., поводом для которой было распространение христианства в аланской среде. Разрушение в это время христианских храмов в аланском царстве подтверждают и археологические раскопки (Каминский, Каминская 1996: 175). Этот алано-хазарский союз ярко иллюстрируют рассмотренные в отдельных работах керамические комплексы населения юго-восточной Таврики середины X в., где наряду с кухонной посудой присутствует лощеная столовая керамика, связанная с северо-кавказскими аланами (Баранов, Майко 2000: 292-295). Данные комплексы, существовавшие без видимых изменений как минимум всю вторую половину X в., подтверждают и предложенную нами реконструкцию текста Анонима, в которой речь идет о союзе алан с хазарами и во времена хазарского царя Иосифа. С точки зрения о существовании алано-хазарского союза в 40-е гг. X в. полностью согласен и Н.Я. Половой, считая этот

фом, не представляется возможным (Голб, Прицак 1997: 146, прим.48). Однако, и такая реконструкция, построенная исключительно на логических выводах, не исключает нашего варианта, а, наоборот, подтверждает его. Это тем более вероятно, что сами авторы говорят об укреплении хазаро-аланского союза в период правления Иосифа (Голб, Прицак 1997: 132).

⁵ Историография идентификации вероятнее всего должности Песаха коротко рассмотрена в указанных работах П.К. Коковцова, М.И. Артамонова, Н.Голба и О.Прицака, А.П. Новосельцева. На мой взгляд, исходя из археологической ситуации наиболее приемлемая точка зрения, связывающая должность Бул-ш-ци с главой прикубанских болгар (Артамонов 1962: 371). Исходя из этого, не исключено, что Песах действительно был правителем области, включавшей прежде всего Тмутаракань, а также юго-восточный Крым и Керченский пролив. К. Цукерман прямо заявляет, что он был правителем Боспора (Цукерман 1996: 70).

⁶ Использован перевод А.П. Новосельцева (Новосельцев 1990:115), больше отвечающий археологическим реалиям Таврики середины X в. У Н. Голба «деревень» (Голб, Прицак 1997: 141).

вопрос ключевым для хазарской дипломатии (Половой 1960: 347). Как уже указывалось, косвенным подтверждением этого является и известное сообщение Константина Багрянородного об отсутствии союза алан с Византией в середине X в., тщательно проанализированное в указанной выше работе (Половой 1960: 348).

Во-вторых, одним из важнейших моментов при реконструкции текста документа, доказательства его подлинности и историчности является атрибуция имени одного из главных действующих лиц Анонима — князя русов Helgou. Решение этой давней проблемы имеет, на наш взгляд, первостепенное значение и для объяснения наличия описанного выше древнерусского материала в археологических комплексах населения юго-восточного Крыма, появляющихся в первой половине 40-х гг. X в. Как уже указывалось, в историографии идентификации имени Х-л-гу выделяется три основных направления⁷. Основоположники первого, С. Шехтер и П.К. Коковцов, считали, что Х-л-гу есть скандинавская форма имени Олега Вещего (Коковцов 1913: 152-153). Используя различную аргументацию, эту точку зрения поддержал и поддерживает целый ряд специалистов. Среди новых работ можно назвать капитальное исследование Н. Голба и О. Прицака, переизданное в 1997 г. на русском языке с новыми комментариями и послесловием В.Я. Петрухина (Golb, Pritsak 1982: 137; Голб, Прицак 1997: 240), а также отдельные пассажи, монографии А.П. Новосельцева (Новосельцев 1990: 35, прим.22). Отдельного рассмотрения заслуживает обширная статья К. Цукермана, опубликованная в 1995 г. во Франции и переизданная позже в более краткой редакции в России (Zuckerman 1995: 259-270; Цукерман 1996: 68-80). Автор вновь возрождает это, уже несколько подзабытое, направление. Главным аргументом исследователя является предположение о том, что киевский князь Олег правил с 911 по 941 гг., что совершенно не соответствует данным ПВЛ. Согласно предлагаемой концепции во время похода Руси 941 г. существовало двоевластие, нашедшее, по мнению К. Цукермана, отражение в письменных источниках. После поражения от византийцев «Олегова» Русь не вернулась в Киев, а совершила поход на Бердаа. Согласно предлагаемой хронологии Игорь, таким образом, правил всего пять лет 941-945 гг. (Цукерман 1996: 73-77). Вместе с тем, исследователь сам отмечает, что не известно, как установилось это двоевластие, примеры подобного двоевластия в русской истории отсутствуют и совершенно не отражаются в письменных источниках, так что предложенная новаторская концепция, влекущая за собой практически полный пересмотр всей первоначальной русской истории,

⁷ Обзор основной литературы см.: Половой 1961: 99-100.

нуждается в более серьезной дополнительной аргументации. Второе направление представлено точкой зрения Ю. Бруцкуса. Автор видел в Х-л-гу киевского князя Игоря, современника описываемых событий и действительно князя Киевской Руси в период правления Романа I. По мнению автора, имени Игорь соответствует полная скандинавская форма *Helgu Inger*, т.е. Хельги Младший, в отличие от Хельги Старого т.е. Олега Вещего (Буцкус 1922: 31). Представители третьего направления видят в Х-л-гу князя т.н. Причерноморской Руси (основную литературу см.: Половой 1961: 99-100). В рамках этого направления высказана наиболее обоснованная, на наш взгляд, точка зрения, согласно которой Х-л-гу являлся либо воеводой в дружине Игоря, либо вождем наемной варяжской дружины в войске Игоря (Половой 1961: 100; Артамонов 1962: 377). В последнее время она поддержана В.Я. Петрухиным. По мнению автора, отождествление Олега и *Helgou*, основанное на сходстве имени и отдельных мотивов нарративных источников, можно отнести к историографическим недоразумениям. Отсутствие упоминания *Helgou* в договоре Игоря 944 г. объясняется тем, что его в это время уже, вероятно, не было в живых (Петрухин 1998: 107). Автор совершенно справедливо подчеркивает, что имена Олег и Игорь были распространены часто одновременно и в русских, и в скандинавских княжеских родах. О том, что у руссов при Олеге и Игоре было несколько князей «архонтов», свидетельствует текст договоров 911 и 944 г. и сведения, сообщаемые Константином Багрянородным: «...Когда наступает ноябрь месяц, тот час архонты (*В.М.*) их выходят со всеми родами из Киева и отправляются в полудия...» (Константин Багрянородный 1989: 50-51). Яркой иллюстрацией этой практики служит факт одновременного собирания дани с древлян дружиной Игоря и Свенельда (Петрухин 1995:145). Вероятно, Х-л-гу играл в истории Руси ту же роль, что после него и Свенельд.

Основываясь на изложенных выше двух моментах и учитывая подлинность и достоверность источника, можно предположить следующую реконструкцию событий. После преследований христиан, начатых хазарским царем Иосифом в ответ на гонения иудеев в Византии при императоре Романи I Лакапине, последний договаривается с киевским князем Игорем о совместных антихазарских действиях. Соблюдая союзнические обязательства, Игорь, скорее всего в 940 г., посылает своего воеводу *Helgou* с дружиной не только разгромить хазарские владения в Крыму, но и попытаться закрепиться на полуострове. По мнению Л.Н. Гумилева, не подкрепленному, правда историческими документами, но не лишеному логики, война Византии против Хазарии началась в 939 г. В 939 или в начале 940 г. Хелгу

внезапным ночным нападением взял С-м-край. В то же время, другая русская рать под предводительством Свенельда покорила улчей, находившихся в союзе с Хазарией. Взят город Пересечен после трехлетней осады и улчи обложены данью в пользу Свенельда. Таким образом, поход Хельгу в Крым рассматривается автором как одно из звеньев продуманной политики Руси (Гумилев 1993б: 193). Предположение выглядит интересным, так как в конце 30-х гг. X в., по мнению О.В. Сухобокова и С.П. Юренко, от Киева отсоединяются восточные северяне и радимичи левобережной Днепровской лесостепи, находившиеся в непосредственной близости к Хазарии. Окончательное их присоединение к Киевской Руси происходит только в период княжения Владимира (Сухобоков, Юренко 1999: 288). В русле этого, логичным выглядит предположение Н.Я. Полового о том, что, вероятно с ведома киевского князя Игоря, этот поход носил завоевательный характер. По мнению ученого, русы оставались в Таврике как минимум осенью 940/941 г. (Половой 1961: 99). Логично предположить, что, воспользовавшись просьбой Романа I, Игорь при помощи дружины *Helgou* намеревался закрепиться на Крымском побережье, значительно расширив сферу влияния молодого древнерусского государства. Аналогичный характер носил и принятый при Игоре поход русов 943 г. в Бердаа под руководством Свенельда, где русы выступали уже союзниками Хазарии и Алании (Половой 1960: 349-350). Именно последние два похода по мысли исследователя послужили основанием для известного запрещения каганом Иосифом «пропускать русские корабли».

Несколько другая реконструкция событий предложена была в свое время Ю.Д.Бруцкусом, В.А. Мошиным, И.А. Барановым и В.Л. Мыцом. Согласно мнению первого, поход *Helgou*, поддержанный христианизированным местным тюркским населением полуострова, датировался 932 г., а ответная карательная акция Песаха 935 г. (Бруцкус 1922). И.А. Баранов считает, что поход Песаха датируется также 935 г. и служит продолжением военной кампании Хазарского каганата против византийских войск Романа I, начатой разгромом последних под стенами Валендара в районе Тамани или Боспора в 933/34 гг. (Баранов 1990: 152). В русле этой концепции выглядят и исторические построения В.Л. Мыца и С.Б. Адаксиной, правда не такие категоричные как у предшествующих авторов. По мнению исследователей, поход Х-л-гу на Тамань датируется 932 г. В 933/34 г. Роман I в ответной акции постарался овладеть в Таврике Климатами, но потерпел поражение под крепостью Вилендар от тюрок, обитавших к западу от Алании. В 935 г. состоялся поход черных булгар, союзников хазар, под ру-

ководством Песаха, а в 940 г. русы совершили набег на Боспор и захватили крепость Самкерц (Мыц, Адаксина 1999: 125). Предложенная концепция выглядит стройной и логичной за исключением того, что о факте существования двух походов русов в Таврику, умалчивает даже Кембриджский Аноним.

С другой стороны, на чем основана локализация И.А. Барановым города В-л-н-д-р, остается не ясным, поскольку у Аль-Масуди указание о его месторасположении очень неопределенное «на северных границах империи, между горами и морем» (Минорский 1963: 193). Из текста первоисточника совершенно ясно другое. Во-первых, это греческий город, где располагался и византийский гарнизон. Во-вторых, туда беспрепятственно можно было послать подкрепление. И, наконец, в третьих, речь идет о нападении четырех тюркских племен во главе с царем печенегов. Этническая атрибуция нападавших до конца не выяснена, но речь идет в основном о независимых или частично зависимых от Хазарии племенах, и собственно хазары, отлично известные арабским историкам, среди них не указаны (Новосельцев 1990: 107-108). Исходя из этого, его связь города В-л-н-д-р с Боспором или Таманью представляется маловероятной. На мой взгляд, эти события, очевидцем которых Аль-Масуди, безусловно, не был и черпал информацию из других рук (Новосельцев 1990: 218), мало связаны с событиями, описанными в Кембриджском Анониме.

По мнению В.А. Мошина, основанному на сообщениях Аль-Масуди о преследованиях евреев Романом I в 943 г., поход Helgou датировался именно этим годом. Будучи, по мнению автора, князем Причерноморской Руси, последний осадил, соответственно, не С-м-к-р-ц, а К-р-ц-Керчь, взял ее и вернулся в свои владения (Mosin 1931: 309-325). Как уже указывалось, обе даты похода Helgou противоречат точному описанию Анонимом похода русов на Византию 941 г.

Вероятнее всего, большая часть практически полностью христианизированных к этому времени праболгар Таврики, недовольных гонениями христиан, начатыми Иосифом, и находившихся, с одной стороны, в номинальной зависимости от Хазарии⁸, с другой — под идеологическим влиянием Византии, поддержала союзные империи войска Helgou и не оказала им серьезного сопротивления. На мой взгляд, именно по этой причине в Кембриджском Анониме под «городами Романа» понимаются не византийские владения в Таврике, а сильно византизированные праболгарские салтово-

маяцкие города и поселения полуострова. Помимо этого, по мнению С.Б. Сорочана, события, происходившие в Таврике в начале VIII в., свидетельствуют о существовании соглашения о condominiumе между империей и Хазарией, когда жители полуострова обязывались не поддерживать ни греков, ни хазар в случае обоюдного противостояния. Примером этому служит аналогичное соглашение о Кипре между Византией и Арабским халифатом, упоминаемое Аль-Масуди (Сорочан 1998: 43). При этом, касательно Крыма, тем более юго-восточного, вопрос о службе «двойного подчинения» (Сорочан 1998: 43) более сложен и не столь однозначен. Исходя из этого логично предположить существование подобного варианта соглашений и в середине X в. Об этом косвенно свидетельствует не только указанная выше сильная естественная византинизация праболгар Крыма, но и целый ряд косвенных аргументов, в частности сфрагистические материалы византийских чиновников, обнаруженные в портовой части хазарской Сугдеи. В добавление к этому, по мнению А.П. Новосельцева, основанному на сообщениях Аль-Истархи, в середине X в. шел процесс децентрализации, и на местах некоторые наместники становились даже самостоятельными правителями (Новосельцев 1990: 144). Таким образом, во время рассматриваемого похода Helgou праболгары полуострова в силу субъективных и объективных причин нарушили возможно существовавшее и в это время соглашение о condominiumе между Византией и Хазарией, чем и спровоцировали, помимо всего прочего, взрыв возмущения правящей верхушки каганата и карательный поход хазарского полководца Песаха.

Воспользовавшись внезапностью и стремительностью нападения, Helgou удалось захватить город С-м-к-рай. О проблеме локализации этого города, коротко рассмотренной А.П. Новосельцевым (Новосельцев 1990: 132-133), упомянутого и в т.н. Пространной редакции ответного письма хазарского царя Иосифа Хаздаю-ибн-Шафруту, высказано в основном две точки зрения. Согласно первой, признаваемой большинством специалистов, он располагался на берегу Керченского пролива (Гумилев 1993: 193), точнее на месте Тмутаракани (Коковцов 1913: 12; Бруцкус 1922: 52; Артамонов 1962: 373; Новосельцев 1990: 133; Цукерман 1996: 70). А.В. Гадло считает, что это еврейско-хазарская передача названия Тамтарак-Тмутаракань (Гадло 1989: 15). И.А. Баранов, согласно упомянутой Пространной редакции, справедливо разделяет К-р-ц и С-м-к-р-ц, локализуя их соответственно на двух берегах Керченского пролива (Баранов 1994: 13-14). С другой стороны, ряд авторов связывает его с предместьем Керчи (Mosin 1931: 320), что связано с предлагаемой концепцией атрибуции князя русов Helgou Анонима, или не-

⁸ По мнению И.В. Ачкинази, талмудический запрет прозелитизма у хазар-иудеев второй половины IX — первой половины X вв. предоставил большие возможности для работы христианских миссионеров (Ачкинази 2000: 49). Естественно, что активнее всего этот процесс шел в Таврике.

посредственно с остатками фортификационных объектов на территории упомянутого города (Макарова 1982: 99).

Не исключено, что именно благодаря этому, как выясняется, достаточно продолжительному походу, часть древнерусских вещей и попала в указанные ранние комплексы населения юго-восточной Таврики середины X в. Наличие среди них не только бытовых, но и культовых вещей (яйца-писанки) косвенно свидетельствует именно в пользу их проникновения на полуостров вместе с их носителями, а не благодаря торговым операциям. Именно так объясняется наличие определенного количества древнерусских культовых вещей на территории конкретных шведских городов и крепостей (Андрощук 1999: 161-162). Чрезвычайно интересным археологическим свидетельством похода Helgou является обнаруженный совсем недавно при раскопках христианского храма на восточных склонах г.Аю-Даг фрагмент столового кувшина, характерного именно для середины X в., с процарапанным граффити в виде корабля. Автор находки видит в нем стилизованное изображение корабля викингов (Тесленко, 2000). Вероятнее всего именно на них и попадали на полуостров войска Helgou⁹.

В-третьих, относительно недавно В.Н. Залесской обнаружены старые материалы раскопок комплекса одной из гробниц предела церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Согласно исследовательнице, инвентарь погребения состоит из украшений, распространенных в X в., и янтарного крестика с иконографическими деталями, встречающимися на скандинавских надгробьях (Залесская 1997: 17). Датируется комплекс в широких хронологических рамках середины второй половины X в., и совершенно не обязательно связан с походом 1043 г.

Каганат ответил карательной акцией под предводительством полководца Песаха, армия которого состояла из северо-кавказских тюрок и союзных им алан. Интересно отметить, что, согласно исследованиям, именно в это время отряды алан выступают союзниками Хазарии при проведении военных действий вне пределов Алании. Войска алан становятся профессиональными, в случае войны дополнительно набирается военное ополчение (Каминский 1993: 92). Такая незамедлительная реакция Хазарского каганата вызвана была и тем, что Керченский пролив и Кубанская дельта играли исключительную роль для Хазарии, особенно на последних этапах ее существования (Гадло 1989: 15). По сообщению Аль-Масуди, даже в случае временного захвата переправ с одного берега на другой, происходящих во время сезонных перекочевков степ-

няков-гузов, сюда устремлялись хазарские войска (Гадло 1989: 15).

Песаху удалось вернуть захваченный русами С-м-к-рай, который оказал Helgou сопротивление, разгромить большинство праболгарских поселений и захватить крупнейшие города, в которых они проживали. Это ярко иллюстрируют археологические раскопки Сугдеи. Вероятно, праболгары полуострова либо были уничтожены, либо были вынуждены в спешке бежать, оставив жилые дома, что также подтверждается археологическими исследованиями (Баранов, Майко 1996: 71-88; Баранов, Майко, Джанов, 1997: 38-45). Большинство праболгарских комплексов города носили следы гибели (слои пожаров, перекрывающие разрушенные жилые салтовские праболгарские постройки в портовой части Сугдеи) или брошенности. Совершенно аналогичная картина гибели салтово-маяцких городов и поселений юго-восточной Таврики наблюдается при анализе стратиграфии заполнений жилых и хозяйственных построек наиболее изученного поселения Кордон-Оба и городища Тепсень. Так, в стратиграфии заполнения усадьбы поселения Кордон-Оба четко прослежен слой значительного пожара, датируемого на основании керамического комплекса именно серединой X в. (Баранов 1990). Анализ многолетних раскопок Тепсеньского городища свидетельствует о том, что жизнь здесь прекращается также в середине X в. (Майко 1998).

О масштабности и катастрофических последствиях этого похода не только для юго-восточной, но и для южной Таврики свидетельствуют зафиксированные и в стратиграфии Алустана следы пожаров, перекрывших некоторые жилые постройки городища. В настоящее время их зафиксировано 4, хронологически трудно различимые и датируемые со второй четверти X по 60-е гг. X в. За пределами крепости — 1 слой пожара X в. (Мыц, Адаксина 1999: 125). На мой взгляд, их связь с нашествием печенегов проблематична и трудно доказуема. В тоже время, один из слоев пожара, а не исключено, что и первоначальный пожар можно связать именно с походом хазарских войск Песаха¹⁰. Вместе с тем следует отметить, что такой характерной для юго-восточного Крыма принципиальной смены материальной культуры в южной части полуострова не происходит. Правда, полностью исчезают из обихода причерноморские амфоры местного производства, происходит смена и кухонной посуды. Стратиграфически аналогичная картина зафиксирована Е.А. Паршиной и при раскопках Партепит, где материалы салтово-маяцкого времени четко отделены от последующих древностей, аналогичных материалам Сугдеи и Алустана (Паршина 1991: 78) и датируемых также сере-

⁹ С предположением о передвижении войска Х-л-гу на кораблях полностью согласен К. Цукерман (Цукерман 1996: 70).

¹⁰ Выражаю искреннюю признательность В.Л. Мыцу за устное сообщение, не отраженное в публикации.

диной X в. В это время на памятнике фиксируются разрушения, связываемые автором раскопок со стихийным бедствием, возможно землетрясением (Паршина 1991: 95), доказательств чему практически никаких пока не приведено.

Не исключено, что с этим походом связаны и аналогичные пожары середины X в., фиксируемые в стратиграфии Херсонеса, хотя некоторые из них могут иметь отношение к осаде города войсками Владимира. Расчленив их стратиграфически достаточно сложно, мало помогают археологические материалы и нумизматические находки. Общеизвестно, что проблема соотношения «слоев разрушения и пожаров X в.» (Романчук 1989: 187) с конкретными историческими событиями, в частности с походом киевского князя Владимира, одна из наиболее сложных, тенденциозных и запутанных. Существует немало работ, посвященных уже историографическому анализу, историографических работ (Романчук 1989: 182-188; Беляев 1990: 153-164). Точки зрения абсолютно полярные, концепции разнообразны. Безусловно, решение этой сложнейшей проблемы зависит от тщательности стратиграфической фиксации и анализа всего комплекса находок¹¹ и прежде всего керамического материала. Именно такой подход пропагандируется на протяжении многих лет экспедицией М.И. Золотарева, в том числе и при изучении объектов интересующего нас хронологического периода (Золотарев, Ушаков 1997: 36). Нет смысла рассматривать этот вопрос подробно без соответствующего анализа огромного накопленного материала именно с такой точки зрения. Предварительно, в качестве постановки вопроса можно сказать, что некоторые элементы керамических комплексов, появляющихся в юго-восточном Крыму в середине X в. сразу после гибели салтовской культуры полуострова, в это же время фиксируются и в комп-

¹¹ В этой связи интересно отметить, что при исследованиях Л.В. Седиковой в южном районе Херсонеса на участке т.н. терм в 1999 г. в цемьянковом полу помещения 1 была исследована хозяйственная яма № 3, прорезавшая его (Седикова 2000). Археологический материал, происходящий из заполнения ямы, аналогичен Судакскому, появляющемуся в юго-восточном Крыму в середине X в. Ярким подтверждением этому является и обнаруженный здесь же нумизматический материал. Из 7 монет пять датируются 40-ми гг. X в. Это по две монеты совместных выпусков Константина VII и Романа I (924-944 гг.) и Константина VII и Романа II (945-959 гг.) и одна неопределимая монета X в. (Седикова 2000, опись монет). При этом только одна монета Романа I и Константина VII происходит из засыпи объекта, остальные обнаружены на дне ямы. Самое важное, что монет позже этого времени в данном закрытом комплексе не обнаружено. Вероятнее всего права Л.В. Седикова, связывающая появление данного комплекса с прекращением функционирования и гибелью перестроенного монументального здания терм.

лексах Херсонеса, в том числе и в слоях пожаров, являясь своеобразным хронологическим, а, возможно, и этническим индикатором. При таком подходе, на мой взгляд не исключена постановка вопроса об археологических свидетельствах похода на Херсонес хазарского полководца Песаха. Напомню, что об этом событии, несмотря на некоторые утерянные места, совершенно определенно идет речь в упомянутом кембриджском Анониме. Причем, в отличие от нескольких описаний похода Владимира, Кембриджский Аноним недвусмысленно говорит о штурме и взятии города хазарскими войсками. В последнее время реконструировать данный отрывок упомянутого документа попытался К. Цукерман (Цукерман 1996: 70-71). Согласно автору, из описания осады Херсона можно сделать заключение об использовании военной хитрости осажденными византийцами, военном столкновении и заключении мира на условиях выплаты контрибуции. В русле предложенной реконструкции текста (Цукерман 1996: 71), не исключено, что состоялось и какое-то военное столкновение с оставшимися отрядами Хе-л-гу, искавшими защиты у византийцев за стенами Херсонеса.

Следы гибели именно середины X в. носят и некоторые памятники салтовского времени юго-западного Крыма. Во-первых, речь идет о времени прекращения существования долговременных склеповых могильников типа Скалистого. Корреляция наиболее поздних датированных находок позволяет утверждать, что позже общепринятой даты существования салтовской культуры полуострова они не функционируют. Время их гибели на основании имеющегося материала также можно определить серединой X в. Некоторыми исследователями это справедливо связывается с походом хазарского полководца Песаха (Юрочкин 1997: 75).

Во-вторых, в качестве постановки проблемы можно рассмотреть вопрос о «неясных» слоях сильных разрушений на Мангупе, датируемых в целом второй половиной X в. (Герцен 1993: 61), и связать их с походом хазарских войск Песаха. К сожалению материала для обоснования этого предположения пока недостаточно¹². Однако, даже опубликованные на сегодняшний день археологические находки, в частности керамический комплекс из усадьбы подножия Мангупа (Науменко 1997: 324-340), несмотря на его естественное своеобразие, типичен для середины IX — второй четверти X вв., с чем

¹² Смею надеяться, что в ближайшее время археологические материалы именно середины X — первой половины XI вв. из многолетних раскопок этого уникального памятника будут введены в научный оборот, что в значительной степени позволит продвинуться вперед в решении вопроса о разрушениях на Мангупе второй половины X в. и подтвердить или опровергнуть высказанное предположение.

согласны и авторы исследований (Науменко 1997: 334). Еще раз подчеркнем, что в юго-восточном Крыму типологически близкие комплексы с кухонной салтово-маяцкой керамикой прекращают свое существование именно в конце второй четверти X в.

На мой взгляд, более ясна ситуация с датировкой времени разрушения т.н. второй оборонительной линии Баклинского городища и синхронных ей жилых и хозяйственных построек (так называемый зеленоватый слой). Нижняя его хронологическая граница — середина IX в. — достаточно аргументированно обоснована А.В. Сазановым (Сазанов 1994: 42-46). Относительно времени прекращения существования и гибели оборонительной линии и сооружений согласиться трудно. По мнению автора, это происходит в середине XI в. и связано с разрушениями на Мангупе (Сазанов 1994: 54-56). В качестве хронологических индикаторов приводится тщательный разбор времени существования высокогорных кувшинов, ойнахой т.н. баклинского типа и поливной белоглиняной керамики, причем последняя выступает в роли одного из главных хронологических индикаторов (Сазанов 1994: 46-53).

Во-первых, верхняя дата существования высокогорных кувшинов действительно спорна. Однако, в юго-восточной и южной Таврике они не доживают до середины XI в., о чем свидетельствуют многолетние раскопки Сугдеи, Алустана, Партенит. Схожая ситуация наблюдается для Херсонеса и памятников юго-западного Крыма. В Тмутаракани они не могут сосуществовать с т.н. веретенообразными амфорами с гребенчатым рифлением и высокоподнятыми ручками. За пределами крымского полуострова и Тамани эти импортные для данных территорий сосуды, возможно, доживают и до начала XII в., что, во-первых, нуждается в дополнительных доказательствах, а, во-вторых, не может быть хронологическим индикатором для памятников Таврики.

Во-вторых, верхняя дата существования ойнахой баклинского типа, как и время начала их производства, также спорны. Тем не менее, совершенно очевидно, что они не могут существовать дольше времени функционирования печей, их производивших. Эти печи, где обжигались и местные амфоры причерноморского типа, прекращают свое существование примерно в середине X в., что, как уже отмечалось, также связано с походом хазарского полководца Песаха.

В-третьих, большинство выделенных типов белоглиняной византийской поливной керамики появляется в Таврике примерно в середине IX в., с чем согласен и наш оппонент. Более поздним временем датируется время появления всего двух из тринадцати типов и одного варианта (Сазанов 1994: 52-53). Рассмотрим их подробнее. Выделенный тип (Талис 1976: рис.1,10), как и остальные фрагменты к нему

относимые, встречены в надежно стратифицированных горизонтах портовой части Сугдеи как второй половины IX — первой половины X вв. (Майко 1998: 139, рис.1), так и в более поздних слоях второй половины X — начала XI вв. Керамика следующего типа (Талис 1976: рис.1,2) появляется в юго-восточной и южной Таврике (Сугдея, Алустан) в закрытых, датированных монетами комплексах именно в середине X в. и существует до начала XI в. (Баранов, Майко 1998: 23, рис.1,1-8). Подчеркну, что ее наличие является аргументом в пользу датировки слоев разрушения именно серединой X в. И, наконец, следующий тип (Талис 1976: рис.3,7) представлен белоглиняными сосудами, достаточно хорошо известными в Таврике. С описанной выше посудой они схожи только цветом глины и традиционно датируются в юго-восточной и южной Таврике не ранее середины — второй половины XIII в. (Семенов 1998: 179-181). Относительно выделенных А.В. Сазановым двух типов т.н. расписной белоглиняной керамики (Талис 1976: рис.2,3,4; Сазанов 1994: 53) можно заметить следующее. В упомянутых горизонтах портовой части Сугдеи второй половины IX — первой половины X вв. они также присутствуют, причем есть и типологически схожие формы, имеющие сходный орнаментальный мотив (Майко 1998: 1, 8). Безусловно все перечисленные типы поливной керамики существуют в большем или меньшем процентном составе и в комплексах второй половины X — начала XI вв., однако отсутствие в рассматриваемом зеленоватом слое периода функционирования и гибели второй оборонительной системы городища Бакла византийских амфор с воротничковым венчиком, кухонной и столовой посуды, типичной для этого времени, не позволяет согласиться с предложенной А.В.-Сазановым датой гибели городища в рамках середины XI в. Приведенные материалы, на мой взгляд, красноречиво свидетельствуют о том, что разрушения на Баклинском городище в принципе аналогичны разрушениям в Сугдее, по основным показателям близки и археологические комплексы. Вероятно, если действительно синхронны Мангупским, датируются также серединой X в. и связаны с походом хазарских войск Песаха.

Практически все более или менее исследованные сельские праболгарские памятники Керченского полуострова несут следы гибели именно середины X в. По мнению А.В. Гадло, основанному на корреляции амфорного материала, изученные лучше чем остальные Пташкинское и Героевское салтово-маяцкие поселения прекращают свое существование именно в первые десятилетия X в. (Гадло 1980: 141). Сказанное подтверждают и небольшие работы на салтовском поселении Опук, проводимые в течение двух лет экспедицией В.К.Голенко. Там, при раскопках, в слое

разрушения жилой постройки, сложенной техникой кладки «в елку», встречены фрагменты византийской амфоры с воротничковым венчиком. Авторы раскопок датируют время разрушения сооружения 30-40-ми гг. X в.¹³ Наличие на них фрагментированных археологических материалов более позднего времени лишь позволяют уточнить время разрушения объектов, а не является аргументом в пользу передатировки импортных византийских амфор второй половины X — XI вв.

Отдельного рассмотрения заслуживают синхронные материалы Боспора-Керчи. В последнее время этой проблемой занимался А.И.Айбабин. Согласно его концепции, опирающейся на датировки Т.И.Макаровой (Макарова 1982: 91-107) и отрывочные сведения письменных источников (Цукерман 1998: 663-688) хазарская цитадель была разгромлена еще в третьей четверти IX в., а сам город стал византийским в последней четверти этого столетия (Айбабин 1999б: 222). Однако, во-первых, ссылаясь на материалы раскопок Т.И. Макаровой, в том числе опубликованные сравнительно недавно в самом большем объеме (Макарова 1998: 344-393), А.И. Айбабин не подвергает их критическому анализу. А между тем стратиграфическая ситуация и археологический материал, к сожалению, практически не приведенный, совсем не так однозначны и не дают четкой хронологической даты. Прежде всего, не подлежит сомнению, что салтовские постройки городища как и сама цитадель гибнут в крупном пожаре, носящим тотальный характер (Макарова 1982; Макарова 1998: 357). При этом датировка его первой половиной IX в. не окончательна и полностью не доказана. Более ясная, на мой взгляд, картина с перекрывающим салтовские постройки слоем нивелировки и застройки хазарской цитадели. Исследованный на этом участке квартал, состоящий из пяти домов, расчлененных улицами, судя по амфорному материалу (наличие амфор с венчиком в виде «отложного воротничка», которые появляются в юго-восточной Таврике в середине X в.), кухонной, белоглиняной поливной керамике и индивидуальным находкам датируется второй половиной X — началом XI вв. Интересно отметить, что стены некоторых зданий сложены с использованием элементов кладки «в елку» (Макарова 1991: 127). Совершенно аналогичная ситуация характерна и для жилых комплексов Сугдеи, возникающих в середине X в. и существующих до XI в., исследованных в портовой части городища (Баранов, Майко, Джанов 1997: 38-42). Время гибели Боспорского квартала, на мой взгляд, синхронно Сугдейскому. Это начало XI в., о чем речь будет идти в конце работы.

¹³ Приношу глубокую благодарность В.К. Голенко и А.В.Джанову за возможность использования материалов раскопок.

Вышеизложенные соображения полностью подтверждают приведенные А.И. Айбабиным данные раскопок в районе Кооперативного переулка 1990/91 гг. Они однозначно, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что типичный праболгарский дом, сложенный техникой кладки «в елку» (Айбабин 1999б; Юрочкин 1994: 27-29) перекрыт слоем, содержащим лощеный кувшин с характерным прорезным орнаментом (Айбабин 1999б: 223, рис. 87, 6). Этот сосуд связан с той частью т.н. слоя серовато-коричневого суглинка в заполнении помещения 1, исследованного в 1990-1991 гг., где обнаружен достаточно выразительный комплекс находок второй половины X — начала XI вв. (коллекция амфорного материала, представленного выразительными фрагментами амфор с венчиком в виде «отложного воротничка», в том числе с разнообразными граффити, ранними константинопольскими с т.н. клиновидным венчиком, характерной тонкостенной кухонной керамикой и высокогорлыми кувшинами). Данный керамический набор является характерным для юго-восточного Крыма именно этого времени, что подтверждают датированные монетами синхронные закрытые комплексы Сугдеи. Поскольку этот материал происходит из слоя перекрывающего постройку, то совершенно понятно наличие в нем некоторого фрагментированного материала более раннего времени, в частности, фрагментов амфор причерноморского типа и наиболее поздних кухонных салтовских горшков. Что касается лощеного кувшина с прорезным орнаментом то, на основании археологических материалов многолетних раскопок Сугдеи, подобные кувшины совершенно не характерны для салтовской культуры полуострова. Они появляются в Крыму, юго-восточной и восточной Таврике только в середине X в. (Баранов, Майко 2000: 292-295). Как уже указывалось, не ранее этого времени датируются аналогичные сосуды из Херсонеса и Таманского городища. Существование их с салтовской керамикой невозможно.

Несколько другая ситуация характерна для Саркельского городища, где подобные лощеные кувшины с характерным орнаментом, обнаруженные в очень небольших количествах, наверняка сосуществуют с классической салтово-маяцкой керамикой. Данная ситуация и позволила С.А. Плетневой в свое время, не имея достаточно представительной коллекции, провозгласить их типично салтовскими. С легкой руки известной исследовательницы эту идею подхватили некоторые специалисты, совершенно не учитывая Крымскую ситуацию и стратиграфические данные обнаружения рассматриваемых лощеных кувшинов в Таврике.

На мой взгляд, ситуацию объяснить можно следующим образом. Дело в том, что стратиграфически оба оранжевоглиняных саркельских

кувшина (Плетнева 1959: 213, рис. 1,1,2; Шелковников 1959: 279, рис. 3), не считая крайне небольшого количества фрагментированных сосудов, происходят из слоя середины X в. (обнаружены в заполнении хозяйственных ям, отнесение которых к первоначальному периоду в истории города проблематично)¹⁴. Во-первых, согласно высказанной концепции (Майко 1997; Майко 1999) в юго-восточном Крыму они появляются в 40-е гг. X в. после похода Песаха. Там же только с этого времени начинается их местное производство вновь прибывшим населением и возможный импорт в Херсонес, Боспор, Партенит и на Таманский полуостров. Во-вторых, согласно установившейся традиции разрушение Саркела связывают с походом Святослава 965 г. В связи с изменением исторической ситуации претерпевает заметные перемены и облик материальной культуры городища. Таким образом, логично предположить импорт в Саркел, один из крупнейших торговых пунктов на Дону, на т.н. Шелковом пути указанных лощеных столовых, достаточно парадных сосудов из Крыма именно в промежуток 40-60-х гг. X в. до катастрофических последствий похода. Это тем более вероятно, что облик материальной культуры Саркела середины X в. имеет и другие общие черты с материальной культурой населения юго-восточной и южной Таврики середины X в. Наряду с салтовской кухонной и столовой керамикой, имеющей тенденцию к постепенному уменьшению в процентном соотношении, в Саркеле в т.н. втором пласте (Плетнева 1959: 266-268) обнаружены те же типы импортных константинопольских амфор. Известных в Саркеле в предшествующее время импортных причерноморских амфор и т.н. ойнахой баклинского типа крымского производства в этом слое практически нет, т.к. прекращение их выпуска в основном совпало с гибелью салтовской культуры Крыма. Та же ситуация с тарной керамикой, как уже отмечалось, характерна и для юго-восточного Крыма. В этом же втором пласте Саркела, помимо высокогорлых кувшинов, обнаружены и типичные для юго-восточного Крыма кухонные горшки с уплощенным отогнутым венчиком и ленточной ручкой, аналогично ручкам высокогорлых кувшинов (Плетнева 1959: 247, рис. 33, 1; 267, рис. 31, 1). Они достаточно полно описаны и опубликованы (Баранов, Майко 1997; Баранов, Майко 2000). Таким образом, можно говорить о стратиграфическом слое Саркела, в своем роде уникальном, как и сам памятник, где наряду с салтовской керамикой местного населения встречены импортная

¹⁴ Ошибочность выделения т.н. ямного слоя Саркела была недавно еще раз подчеркнута А.В. Сазановым и подтверждена С.А. Плетневой (Сазанов 1994: 45). Как выясняется, ямы были просто опущены в материк с высоты культурного слоя второй половины IX — 930-965 гг.

тара (константинопольские амфоры, в отличие от причерноморских, импортные лощеные кувшины с врезным орнаментом в виде кружков и линий, высокогорлые кувшины и отдельные нехарактерные типы кухонной керамики). На основании схожести керамического комплекса этого стратиграфического горизонта и восточно-крымских городов его можно датировать в рамках 40-60-х гг. X в.

В русле вышеприведенных соображений следует рассматривать и появление на территории Подонья на одном из поселений Левобережного цимлянского городища уникального лощеного зооморфного сосуда, изготовленного из оранжево-бежевой глины, нехарактерной для основной массы лощеных сосудов, т.н. аланского варианта салтовской культуры (Артамонов 1935: 23, рис. 9; Талис 1982: 124, рис. 15). Напомним, что он обнаружен еще в 1887 г. Н.И. Веселовским. Сопровождавший находку археологический материал оказался либо не выразительным, либо имеющим очень широкие хронологические рамки бытования и чисто условно датировался в рамках VIII — IX вв. (Талис 1982: 63). Сосуд-водолей выполнен в виде стилизованной вытянутой птицы на трех ножках, имеющей аккуратную шейку и ойнахойвидный венчик с носиком слива. Орнаментация водолея в виде прорезных кружков и линий совершенно идентична орнаменту на лощеной керамике, бывшей предметом пристального рассмотрения выше, что уже отмечалось исследователями (Баранов 1990: 99). В литературе утвердилась точка зрения о том, что рассматриваемая уникальная находка связана с известными салтовскими водолеями в виде птиц местного производства, обнаруженными при раскопках т.н. мастерской IX — X вв. Баклинского городища (Баранов 1990: 97, рис. 33, 10, 11). И.А. Баранов согласно типологии салтовской керамики полуострова объединяет их в один тип (Баранов 1990: 99)¹⁵. Безусловно, генетическая их связь очевидна. Можно согласиться с точкой зрения Д.Л. Талиса о том, что, согласно технологическим особенностям, Баклинские водолеи местные, изготовленные гончаром по примеру и под влиянием северокавказских керамических традиций. Однако цимлянский водолей им не синхронен, он отличается и технологически и элементами морфологии иной системой орнаментации. Его появление в Крыму связано, однако, именно с той северо-кавказской средой, керамические традиции которой послужили основой Баклинским водолеям. В этой связи интересно отметить, что истоки прорезного орнамента в виде сочетания концентрических кружков и линий, часто заполненных белой краской, находят также вероятно на территории Северного Кав-

¹⁵ К сожалению, мне ничего не известно о находке водолея в виде птицы на территории городища Сугдеи (Баранов 1990: 99).

каза, о чем упоминалось в литературе. Прямыми аналогиями могут быть фрагменты керамики, полученные при обследовании средневековых городищ Ставропольщины (Минаева 1949: 156, рис. 3 в; 160, рис. 7, г, м), датировка которых сарматским временем аргументирована недостаточно при том, что на указанных городищах присутствует и средневековый слой. Возвращаясь к цимлянскому водолею, отметим, что датируется он, как и оранжево- и желтоглиняные кувшины Саркела, о которых шла речь выше, серединой — второй половиной X в. и является предметом импорта. Очевидна связь его с упомянутым слоем Саркельского городища 40-60-х гг. X в. Добавим, что в материалах раскопок т.н. Судакского зольника середины-второй половины X в. удается выделить целую группу зооморфных лощеных сосудов, схожих с цимлянским водолеем по целому ряду морфологических и технологических признаков (Баранов, Майко 2000).

Возвращаясь к материалам раскопок в Кооперативном переулке, отметим, что в стратиграфии этого участка праболгарская кухонная керамика относится к заключительному периоду функционирования дома, сложенного «в елку». Археологические же материалы, о которых шла речь выше, в том числе и лощеный кувшин с врезным орнаментом в виде кружков и линий из раскопок в Кооперативном переулке, связаны со следующим за салтовским периодом в жизни средневековой Керчи, представленным упомянутым выше жилым кварталом, расчлененным улицами, исследованным Т.И. Макаровой. С этим периодом можно связать и часть жилых сооружений, исследованных А.И. Айбабиным. В частности, возможно остатки помещения 13 и частично сохранившийся прямоугольный дом, состоящий из одного помещения с использованием элементов кладки «в елку», уходящий юго-восточным краем в южный борт раскопа 1991 г.

Таким образом, как мы постарались показать, материалы археологических исследований в Кооперативном переулке также свидетельствуют о гибели салтовских объектов городища в середине X в. Отметим, что в своих последних работах А.И. Айбабин согласился с точкой зрения о гибели салтовских праболгарских памятников полуострова в связи с походом Песаха, который он датирует широкими хронологическими рамками 920-940 гг. (Айбабин 1999а: 7; Айбабин 1999б: 227).

Совершенно сходная картина наблюдается при анализе материалов из раскопок Фанагорийского и Тмутараканского городищ. И в первом и во втором случае салтово-маяцкие материалы существуют именно до середины X в. и отделены от последующих слоев пожара (Кропоткин 1958: 218). Особенно ярко это иллюстрируют раскопки Тмутараканского городища, что полностью соответствует данным Кемб-

риджского Анонима (Кропоткин 1958: 218; Богословская, Богословский 1992: 8-9; Макарова 1998: 357). Анализируя керамический комплекс Таманского городища, С.А. Плетнева пришла к заключению о существовании нескольких периодов в его истории. Однако, выделение исследовательницей третьего периода X — XI вв., начало которого приходится на 965 г., на мой взгляд, проблематично и не доказуемо (Плетнева 1962: 68-69). Керамический комплекс этого периода так же имеет много общих черт с набором посуды городищ юго-восточного Крыма середины X — начала XI вв. Сказанное касается и амфорного материала, в частности численно преобладающих византийских амфор с венчиком в виде «отложного воротничка», датировка которых сильно завышена (Плетнева 1963: 53, рис.32). Напомним, что в комплексах юго-восточного Крыма позже второй четверти XI в. данные амфоры мне неизвестны. Только в этом слое появляется лощеная столовая керамика с врезным орнаментом в виде кружков и линий (Плетнева 1963: 41, рис. 24, 10) и некоторые формы кухонной посуды (Плетнева 1963: 45, рис. 27, 2, 6, 7), имеющие прямые аналогии в керамических наборах середины X — начала XI вв. юго-восточного Крыма. Исходя из высказанных ранее соображений и исторической ситуации, указанный стратиграфический горизонт и, соответственно, период жизни Тмутараканского городища следует датировать со времени карательного похода Песаха. Вероятно, материальная культура этого периода в истории Тмутаракани не претерпела в отличие от юго-восточного Крыма серьезных изменений в течение всего существования русского Тмутараканского княжества, что является отдельной темой исследования. Как показывают многолетние раскопки на территории Фанагорийского городища, стратиграфически, и здесь слой VIII — первой половины X вв. отделяется от горизонта второй половины X — XI вв. (Долгоруков 1975: 57-59).

Схожие процессы происходят в первой половине X в. в Подонье. По мнению А.В. Гадло, прекращение существования салтово-маяцкой культуры на этой территории, связываемой с западной группой т.н. асов, результат не столько нашествия печенегов, сколько карательной акции против расселенных в свое время на границах каганата вассальных племен объединенного хазаро-аланского войска. Покоренные асы-асии были расселены хазарами в верховьях Кубани, откуда их предки были расселены вдоль западных границ каганата (Гадло 1994: 22). Совершенно справедливо полагают исследователи, что в первой половине X в. собственно Асия и Алания Северного Кавказа были отдельными государствами (Гадло 1994: 22; Цукерман 1998: 96-97), имевшими и отличительные особенности материальной культуры. Последние связаны в том числе и с наличием у

аланского варианта определенного типа кургильниц (Каминский, Цокур 1998: 19), имеющих аналогии в материальной культуре и юго-западного Крыма. Политическую активность хазар в первой половине X в. подтверждают и другие письменные источники, зафиксировавшие участие хазарских отрядов и в военных операциях правителей политических образований Дагестана (Гмыря 1996: 60-61). С другой стороны, в 20-е гг. X в., согласно данным письменных источников, происходит несколько военных столкновений между адыгами и хазарами. Последние руками усмиренных до этого в 932 г. алан покоряют адыгов и пытаются поставить там хазарского ставленника. Часть адыгского населения устремляется к морскому побережью (Гадло 1989: 14).

Нам представляется вполне логичным, что воспользовавшись походом и победами Песаха, в Крым переселяется значительная масса сложного в этническом плане тюркского городского населения с северо-кавказских и прикаспийских территорий. Как уже отмечалось, именно в середине X в. происходит поднятие уровня Каспийского моря, затапливавшего земли, населенные северо-кавказскими тюрками (Гумилев 1993а: 516). Конечно, это не решающая причина, но совершенно отбрасывать ее также нельзя. С другой стороны, нарастающая опасность со стороны печенегов тоже стимулировала процесс переселения в более спокойные места. Дополнительным аргументом в пользу возможного переселения является справедливое мнение А.В. Гадло, согласно которому именно в 40-60-е гг. X в. в Северо-кавказской степи полностью исчезают следы оседлости, ее население уходит в предгорья, заметим, достаточно плотно заселенные и до этого. Нарушается устоявшаяся система взаимоотношений, нарушается годичный отгонный цикл (Гадло 1998: 99). В заключение отметим, что факт переселения 3 тыс. хазарских семей, правда в более позднее время в 1064 г., из страны хазар в г. Кахтан известен по письменным источникам (Новосельцев 1990: 193-194). Исходя из всего вышесказанного и учитывая политическую и экономическую нестабильность на Северном Кавказе, с одной стороны, и политическую активность Хазарии в первой половине X в., с другой, поход и победы Песаха были серьезным поводом для переселения. Именно после этого, на полуострове появляется совершенно новая материальная культура, имеющая тем не менее определенные тюркские и аланские черты.

Таким образом, можно считать установленным, что описываемые в Анониме события исторически верно соответствуют первому походу князя Игоря на Византию 941 г. и предшествовавшему ему набегу киевской варяжской дружины под предводительством Х-л-гу на хазарские владения в Крыму и на Тамани. В связи с этим нет оснований сомневаться и в походе Песаха на Таврику, имевшем для полуострова очень серьезные последствия. Во-

первых, именно в это время гибнет большинство салтово-маяцких праболгарских поселений Таврики, во-вторых в Крыму появляется совершенно новая материальная культура, имеющая некоторые общие черты с тюркскими культурами Северного Кавказа и Прикаспия. Не исключено, что войска Песаха двигались в Крым с этих территорий. Воспользовавшись их победой, в силу ряда объективных и субъективных причин, на полуостров в середине X в. переселяется часть северо-кавказского населения, оставшегося в юго-восточной Таврике всю вторую половину X в.

После успешной военной экспансии, приведшей к выгодной для Хазарии международной расстановке сил, именно в 40-е — 50-е гг. X в. территория каганата достигает максимальных размеров. Все это делает совершенно справедливым рассказ хазарского царя Иосифа о столь обширных границах своего государства.

Исходя из археологического материала и сообщений письменных источников, дальнейшие судьбы северо-кавказских переселенцев во второй половине X — начале XI вв. можно представить следующим образом. После гибели и упадка Хазарского каганата, особенно после ускорившего это событие похода Святослава 965 г., территория юго-восточной Таврики, где в основном и проживали северо-кавказские переселенцы, вероятно в начале 70-х гг. X в. переходит под власть Византийской империи, выгодно использовавшей новую международную расстановку сил. Видимо в южной Таврике это произошло еще раньше, чему, по мнению В.Л.Мыца, способствовали военные успехи Никифора Фоки на Востоке, создавшие необходимый базис для закрепления империи в этой части полуострова. Именно второй половиной 60-х гг. X в. датируется система мероприятий по восстановлению цитадели Алутона (Мыц, Адаксина 1999: 126). Очевидно уже при Иоанне Цимисхии вся Таврика с разной степенью самостоятельности переходит под протекторат империи. Благоприятствовали этому и военные поражения Руси и гибель киевского князя Святослава.

Все эти события мало повлияли на изменение этнического состава населения юго-восточной Таврики. Как уже указывалось, археологические комплексы северо-кавказских переселенцев существуют без видимых изменений всю вторую половину X в. Об этом свидетельствуют и уже коротко проанализированные т.н. Приписки на полях крымских Библий, собранных А.Фирковичем. Они как раз и фиксируют присутствие в Таврике во второй половине X в. тюркского населения, среди которого отмечают этнических хазар. Отметим, что Приписок, повествующих именно об этом, достаточно много. В этой связи не исключено, что авторы Приписок под хазарами понимали не только самих этнических хазар, но и сложное в

этническом плане городское северо-кавказское население, переселившееся в Крым и приверженное иудаизму. В этой связи интересно замечание А.В. Гадло, согласно которому после похода Святослава хазарский этнос утратил свое единство и начал концентрироваться в виде отдельных локальных сообществ на наиболее удобных для него окраинах бывшего государства: на Тамани, в низовьях Терека и Сулака, вблизи Самандара, в Крыму (Гадло 1994: 71).

Существование и окончательное оформление археологических комплексов северо-кавказских переселенцев именно во второй половине X в. при практически полном отсутствии в юго-восточной Таврике в данный хронологический период византийских археологических комплексов наводит на мысль, что, вероятно, сразу после подчинения, а точнее сказать переподчинения Византии, юго-восточная Таврика представляла собой своеобразный реликт Хазарского каганата, находившийся под контролем империи.

Для реконструкции политической и экономической структуры этого «реликта» каганата в юго-восточном Крыму важное значение имеют данные А.В. Гадло о подобной системе, существовавшей в Тмутаракани до похода Владимира «на козар», который автор датирует 986/87 гг. (Гадло 1990: 23). Основываясь на известной притче о полянской дани хазарам, исследователь считает, что Таманское государственное образование управлялось князем и старейшинами, которым принадлежала ведущая роль в решении наиболее важных вопросов, существовало свое войско или военное ополчение, с 70-х гг. X в. чеканилась собственная монета (в подражание византийским), основывается автокефальная епархия (Гадло 1990: 22). С присоединением Тмутаракани к Руси, положение мало изменилось. Русский князь постоянно наталкивался на оппозицию верхов местной общины. Имея реальную власть, опирающуюся на поддержку местного населения и являясь основными владельцами прилегающих к городу обрабатываемых земель, они могли смещать и подыскивать себе другого русского князя (Гадло 1992: 6-7).

В этой связи чрезвычайно интересен вывод А.В. Гадло, согласно которому и в более позднее время сутью интриги, развернувшейся в Тмутаракани в 60-е гг. XI в. и связанной с междоусобной борьбой Ростислава и Олега, в которую активно вмешивалась Византийская империя, было стремление населения, не порывая с русской княжеской династией, восстановить политическую независимость, придав новому образованию облик разрушенной в 965 г. Хазарии (Гадло 1990: 11-12). Недаром эти события нашли, как уже отмечалось, отзыв на страницах русских летописей.

Вероятнее всего, применяя сравнительный метод, можно утверждать, что в юго-восточном Крыму, очевидно близкому этнически к Тмутараканскому государственному образованию, в

данный хронологический период сложилась схожая ситуация с той лишь разницей, что вместо русского князя до 965 г. существовал хазарский наместник, а после этого и до 1015 г. византийский стратиг. В состав местной византийской администрации, номинально подчиненной империи, входили представители тюрко-хазарского происхождения. Не исключено, что будучи лояльными к империи, они занимали и ключевые посты. Данная ситуация находит отражение в письменных источниках. Среди них особо следует выделить уже проанализированный т.н. Манджелисский свиток. Становится понятным, почему автор одного из документов, входящего в свиток, говорит о царстве «братьев наших хазар» в Крыму в 80-е гг. X в. (Хвольсон 1866: 75-80) и о хазарском царе Давиде, принявшем послов киевского князя Владимира, прибывших для заключения с иудейской религией перед крещением Руси. Последнее обстоятельство находит отражение и в древнерусских летописях (ПВЛ 1978: 121). В настоящей работе мы не будем детально анализировать старую и сложную проблему достоверности этого сообщения¹⁶ и проблемы происхождения иудейского посольства. Не вдаваясь в подробности, отметим, что наряду с киевской (Толочко 1990: 52) и тмутараканской (Гадло 1990: 22-23) версиями существует точка зрения о том, что это посольство

¹⁶ Коротко отметим, что резкая критика документа А.Я. Гаркави построена в основном на признании фальсификацией первой составной части этого сложного источника, логически и хронологически не связанной с рассказом о посольстве к Владимиру. Во-вторых, при анализе Свитка автор основывается на умозрительном заключении о низком уровне развития Хазарии и ее политической слабости в X в., о невозможности контроля над Матархой, несоответствия города Сафарад Боспору и некоторых названий, не современных дате источника (Гаркави 1876: 26-28). Что касается основных посылок, то они слабо подкреплены как письменными источниками, так и анализом исторической ситуации. Относительно последних замечаний, можно отметить, что они являются по мнению А.Я. Гаркави второстепенными и последуют как дополнение к основному. Объективную оценку им могут дать только специалисты семитологи. Не являясь специалистом в этой области, от себя могу добавить, что нельзя провозглашать фальсификацией все наследие А.С. Фирковича, также как неосторожно считать аутентичными абсолютно все документы. Специальный анализ, проведенный В.В. Лебедевым, доказал взаимосвязь подделки дат в некоторых документах, непосредственно со средневековой историей Крыма не связанных (Лебедев 1974: 8). Вполне вероятно и логично, что, во-первых, они были куплены А.С. Фирковичем у собственника, подделавшего документ из корыстных соображений, во-вторых, некоторые даты исправлены переписчиками за сотни лет до Фирковича, в-третьих, сфальсифицированное удревнение даты рукописи не всегда влекло за собой изменение сути описываемых в документах событий (Вихнович, Лебедев 1992: 139). Необходимо обратить внимание, что из 15000 рукописей, составляющих две коллекции, только несколько десятков выглядят поддельными (Вихнович, Лебедев 1992).

было крымским. В этой связи нельзя не отметить, что все прибывшие к Владимиру посольства, в том числе и иудейское, представляли именно государственные религии.

Подчинение, хоть и номинальное, юго-восточной Таврики Византийской империей в правление Иоанна Цимисхия, выразилось в создании в этой части полуострова двух новых фем. В то же время возникновение множества мелких фем было типичным для Византии второй половины X в. Так, согласно данным «Эскуриального Тактикона» 971/975 гг., в империи наблюдается резкое увеличение численности стратигов, притом, преимущественно небольших фем и городов (Степанова 1995: 14; Бибииков 1976: 88). Но, иногда, как в случае с Георгием Цуло, даже стратигои их, не говоря о более мелких руководящих должностях византийской администрации, были представителями местной тюрко-хазарской знати. До второй половины X в. в Крыму существовала лишь одна византийская военно-административная единица — фема Херсона и Климатов или просто Херсона. В Тактиконе, опубликованном Н. Икономидисом и относящемся к 80-тым гг. X в., упоминается еще одна фема Таврики — фема Боспора (Oikonomides 1972: 268-269). Реальное ее существование подтверждается находками печатей уже упоминавшегося Георгия Цуло. Согласно Скилице, его деятельность на Боспоре относится к началу XI в. (Georgius Cedrinus 1838: 232). В этом же Тактиконе упоминается еще одна новая фема, основанная в то же время — морская фема Понта Эвксинского. Некоторые исследователи склонны локализовать центр ее в Сугдее (Баранов 1989: 54; 1990: 154; Степаненко 1992: 128-129). Последний автор считает, что это произошло в период правления Иоанна Цимисхия и связано было с восстановлением контроля над городом (Степаненко 1993: 254). Н.Икономидис, напротив, предложил искать центр этой фемы на юго-западном побережье Черного моря. При этом исследователь указывает, что византийские военно-морские силы в IX — X вв. были организованы в особую фему Эгейского моря с центром в Абидосе. Этот флот призван был защищать столицу империи от возможных нападений арабов из регионов Восточного Средиземноморья. Флот же, размещенный на Эвксинском Понте в середине 80-х гг. X в., судя по дате Тактикона Эскуриальной рукописи, был предназначен для прикрытия византийской столицы с севера. В качестве этой морской фемы Понта Эвксинского Н.Икономидис склонен видеть Боспор Фракийский, как наиболее подходящий порт в этой части побережья Черного моря.

В решении вопроса о существовании фемы в Сугдее в последней трети X — начале XI вв. решающее значение имеют сфрагистические материалы. В последние годы при проведении подводных исследований в портовой части Суг-

деи были обнаружены три одинаковые печати протоспафария и стратигои земли Сугдеи Георгия (Степанова 1995: 13-15; Баранов, Степанова 1997: 83-87).

Таким образом, вполне вероятно, что после подчинения Византией юго-восточной Таврики во второй половине X в. на этой территории возникают две новые фемы — Боспора и Понта Эвксинского. Пока трудно с полной уверенностью констатировать, что центр последней находился в Сугдее. Не исключено, что существовала и третья Сугдейская морская фема. Данное явление, как уже отмечалось, было типичным для Византийского государства в последней трети X в. Еще раз подчеркнем, что основным населением, проживавшим на территории этих фем, особенно фемы Сугдеи, были северо-кавказские тюрки, переселившиеся на полуостров в середине X в. Подчинение этих территорий Византии было номинальным, в состав местной администрации входили представители тюрко-хазарского происхождения. Номинальное подчинение этих территорий Византийской империи косвенно подчеркивает тот факт, что во второй половине X в. Сугдея переходит под власть печенегов. Это вытекает из известной Приписки 59 (Хвольсон 1866: 66-67), датированной 977 г., в которой речь идет о том, что Иосиф, учитель иудаизма и переписчик Библии из Сугдеи, закончил переписывать одну из них в Сугдее под «владычеством печенегов, которые покорили (это место) наших братьев кадариев (хазар)» (Баранов 1990: 152-153). Скорее всего, эта зависимость была кратковременной и тем более номинальной, не связанной с изменениями этнического состава населения. По единодушному мнению исследователей, основная масса печенегов располагалась к северу от Крымского полуострова. В пользу этого свидетельствует и отмеченное отсутствие археологических материалов, связываемых с печенегами в юго-восточной Таврике второй половины X в.

Таким образом, подводя некоторые итоги можно отметить, что юго-восточный Крым с особой материальной культурой, отличной от салтово-маяцкой, представлял во второй половине X в. своеобразный реликт хазарского каганата. После его возникновения после похода Песаха 941 г. и до падения Хазарии после похода Святослава 965 г. местное население подчинялось ставленнику каганата. При этом разгром киевским князем хазарского войска, взятие ряда городов, поход «на ясы и косоги» мало коснулись Крымского полуострова и лишь только оборвали и без того не особо прочные связи местного населения с верхушкой Хазарского каганата. При этом присутствие русских дружин на Боспоре, захват и разгром ими города представляется маловероятным, во всяком случае это не нашло отражения ни в Повести Временных Лет, ни в византийских, ни в

арабских источниках. В начале 70-х гг. X в. юго-восточная Таврика переходит под власть Византийской империи, использовавшей гибель Святослава и временное ослабление активности в Причерноморье и на Балканах молодого Древнерусского государства. После похода Владимира «на козары» 986/87 гг., т.е. против Тмутараканского княжества, и последующего взятия Херсонеса ситуация для юго-восточного Крыма, в отличие от Тмутараканского княжества, меняется не значительно. Этнической смены населения, как и в предшествующее время, не происходит. Однако, естественно, влияние Руси на юго-восточный Крым, номинально подчиненный Византии, особенно через Тмутараканское княжество усиливается. Вероятно между Русью и Византией был заключен своеобразный кондоминиум, о котором для более раннего периода речь шла выше. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного противостояния. Это, то активное, то пассивное противостояние двух крупнейших государств, занятых многочисленными внутренними и внешними проблемами, и позволяло местному населению балансировать между двумя силами, поддерживая видимость существования своеобразного реликта каганата — Крымской Хазарии. Вероятнее всего, в этой политике активную моральную и экономическую поддержку не без ведома Руси оказывало и этнически близкое Тмутараканское княжество. Эта поддержка, как уже указывалось, на первых порах существования реликта каганата в юго-восточном Крыму была еще более ощутима, поскольку, согласно косвенным упоминаниям Константина Багрянородного, Тмутаракань в 40-50 и, очевидно, до 80-х гг. X в. представляется самостоятельным политическим образованием (Константин Багрянородный 1989: 170-171), балансировавшим в разные периоды между Русью, Хазарией и Византией (Гадло 1990: 21; Новосельцев 1990: 133). В этой связи интересен обоснованный А.П. Новосельцевым на основании данных письменных источников тезис о существовании хазарской государственности и в 80-90е гг. X в., связанной с территорией Поволжья (Новосельцев 1990: 230).

Материальная культура выделяемой Крымской Хазарии второй половины X — начала XI вв. изучена пока далеко недостаточно. Пока можно с уверенностью утверждать, что это городская полиэтническая культура, сильно подверженная византийскому влиянию, но, во-первых, с минимальным присутствием как и в предшествующее время импортных византийских изделий, во-вторых, имеющая и ряд северо-кавказских тюркских и аланских элементов, проявившихся в составе набора посуды. В данной работе я не буду подробно останавливаться на анализе жилых, хозяйственных, культовых и погребальных сооружений этой культуры, что

является темой отдельной обширной работы. В тезисном плане отмечу следующее.

Сейчас в Крыму исследовано около десяти жилых объектов (Боспор, Сугдея, Алустан, Партениты), имеющих в заполнении археологический материал, характерный для этой культуры (Баранов, Майко 1994; Баранов, Майко, Джанов 1997; Паршина 1991). Известны как случаи использования новым населением оставленных праболгарами жилых домов, сложенных техникой кладки «в елку», так и случаи возведения новых, но аналогичных домов.

Культовые сооружения — совершенно нового типа. Это земляные святилища-зольники, обнаруженные в Сугдее и Алустане (Баранов 1994; Мыц 1988: 315; Адаксина и др. 1994: 10-15)¹⁷. В них отмечены искусственные горизонтальные площадки, использовавшиеся, возможно, для жертвоприношений. Погребальные объекты представлены в основном плитовыми могилами, большая часть которых исследована в Сугдее. Некоторые из них имеют иудейские и языческие черты.

Наиболее выразительной чертой этой культуры является своеобразный керамический комплекс. Отдельные, представляющие его сосуды, происходящие из Сугдеи (Баранов 1991: 153, рис. 5, 4), Алустана (Мыц 1991: 84, рис. 33, 1,2,5,6), Партенит (Паршина 1991: 82, рис.7), Херсонеса (Якобсон 1979: 79, рис. 48; Якобсон 1950: 117, рис. 38, 2; Романчук 1976, рис. 2, 10; Седикова 1993: 386, рис. 3, 9-13), некоторых южнобережных памятников (Якобсон 1970: 42, рис. 10, 2,4; Паршина 1974: 65, рис. 8, 4), частично опубликованы, сделаны и попытки его типологического членения (Borisov 1989: 135-260; Димитров 1993: 113; Баранов 1994; Баранов, Майко 1997; Майко 2000).

Уже не раз отмечавшаяся номинальная зависимость юго-восточной Таврики, населенной северо-кавказскими тюрками, от Византии во второй половине X в. не устраивала империю. Поводом для ликвидации сложившейся ситуации, с которой Византийское государство в силу целого ряда субъективных и объективных причин вынуждено было мириться, послужило упомянутое византийским хронистом Иоанном Скилицей и, соответственно, Кедрным восстание 1015 г. под предводительством Г. Цуло и ответная экспедиция византийского флота в Крым в 1016 г. (Joannis Scylitzae 1973: 354; Georgius Cedrinus 1838: 464).

Попытаемся доказать выдвинутый тезис путем более подробного рассмотрения этой проблемы, являющейся заключительной при

¹⁷ В 1999 г. Горно-Крымской археологической экспедицией при исследованиях Алуштинского зольника было зачищено еще несколько достаточно выразительных ритуальных площадок. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность И.Б.Тесленко и А.В.Лысенко за предварительную устную информацию о неопубликованных результатах работ.

анализе вопроса о дальнейших судьбах Крымской Хазарии и времени окончательной ликвидации самостоятельности юго-восточной части полуострова и полного подчинения этой территории Византийской империи. Для начала процитируем еще раз это сообщение: «Император вернулся в Константинополь, в месяце январе 6524 года направил флот в Хазарию, экзархом его был Монг, сын Андроника, дуки Лидии. При содействии Сфенга, брата Владимира, (который был зятем императора), он подчинил страну, пленив (захватив) архонта ее Георгия Цулу в первом столкновении».

В историографии этой проблемы, уже коротко рассмотренной в литературе (Соколова 1971: 68; Степаненко 1992: 125-126), традиционно выделяется две основные точки зрения.

Сразу оговоримся, что, во-первых, относительно места восстания большинство специалистов в настоящее время согласно с выдвинутым предположением о том, что византийский флот застал мятежников не в Херсонесе, а на Боспоре (Степаненко 1992: 125-133). В пользу этого свидетельствуют неоднократно использованные данные сфрагистики и упоминание в тексте Хазарии, локализация которой в византийском Херсонесе в начале XI в. невозможна, но реальна, с чем полностью согласен и я, в юго-восточной части полуострова. Развивая это предположение, М.Н. Богданова отмечает, что херсонеситы в лице Георгия Цулы испугались хазарского засилья (Богданова 1991: 118). На основании уникальной находки печати турмарха Готи, Н.А. Алексеенко поддерживает вывод о сложной военной обстановке, сложившейся в Таврике к началу XI в. (Алексеенко 1998а: 233).

Во-вторых, также уже достаточно давно нет споров об этническом происхождении руководителя восстания Георгия Цуло. Это историческое лицо известно нам помимо данного письменного источника также по находкам печатей, на которых он назван в одном случае — стратигом Херсона в ранге спафария, затем протоспафария, а затем, в том же ранге стратигом Боспора (Соколова 1971: 68-74; Соколова 1983: 164; Степаненко 1992: 126-127; Алексеенко 1995: 85). Большинство исследователей со времени М.И. Артамонова поддерживает его местное тюркское, возможно, праболгарское происхождение (Артамонов 1962: 436). Длительность нахождения представителей рода Цул среди высших византийских сановников подтверждается целым рядом находок моливдовулов как второй половины X, так и начала XI в. Хронологическое членение моливдовулов, предложенное И.В. Соколовой и уточненное Н.А. Алексеенко, является ярким подтверждением этому (Соколова 1971: 68-74; Алексеенко 1995: 85).

Относительно сущности восстания ряд авторов как раньше, так и сейчас считает, что это

был разгром остатков Хазарского каганата в Крыму¹⁸. Эта точка зрения, основанная на указанном недвусмысленном упоминании в тексте источника Хазарии и хазарского военачальника Георгия Цуло, поддерживается не только специалистами, но преобладает и в научно-популярной и этнографической литературе (Андреев 1997: 85; Брюсова 1991: 39; Караимская энциклопедия 1995: 61-62). Наиболее обстоятельно она изложена в работах А.В. Гадло. По мнению авторитетного автора, мир, установленный между Русью и Византией после похода на Корсунь Владимира, был нарушен в 1015 г. восстанием, которое мы сейчас анализируем. Действия Цулы являлись реакцией на кризис на Руси в связи со смертью Владимира (Гадло 1990: 26). При этом отметим, что византийский император Василий II был занят войной в Болгарии. Однако восставшие просчитались, мятеж сильно обеспокоил имперскую администрацию. По верному замечанию М.Н. Богдановой, флот был направлен в Черное море в то время, когда навигация там очень опасна, и должны были существовать чрезвычайные обстоятельства, которые могли бы заставить императора снарядить экспедицию в разгар зимы (Богданова 1991: 156). Важность происшедших событий подчеркивает и незамедлительная реакция Древнерусского государства. По справедливому мнению А.В. Гадло, легендарный поход Мстислава Тмутараканского на касогов — ответная реакция на окончательное подчинение империи юго-восточного Крыма (Гадло 1990: 26). Исходя из этого автор убедительно датирует его не 1022 г., а 1016 или 1017 гг.

Представители второй точки зрения видят в мятеже Г. Цулы обычное восстание в византийской провинции, возможно с целью усиления самостоятельности в управлении Херсоном. Наиболее полно данная точка зрения изложена в ряде работ В.П. Степаненко. По мнению автора, Византия владела Крымом, в том числе и юго-восточным, задолго до договора 989 г. События 1016 г., по мнению В.П. Степаненко, это восстановление позиции империи, владения которой в регионе граничили с Тмутараканским княжеством задолго до 1016 г. О завоевании империей Крыма в связи с подавлением восстания, говорить не приходится (Степаненко 1993: 255). В духе русско-византийских договоров 944 и 971 гг. киевские князья были обязаны «воевать» Корсунскую землю, если она перестанет быть покорной империи. В то же время киевский князь был обязан защищать Херсон и Крымские владения империи. Отношения Византии с пограничными владениями определялись характером отношений с Киевом (Степаненко 1993: 258-259), что естественно и логично для северной окраины империи.

¹⁸ Более подробно эта точка зрения рассмотрена у В.П. Степаненко (1992: 125-126).

Однако, если придерживаться этой точки зрения, то необходимо указывать причину восстания именно в это время именно в Крыму. Нельзя не отметить, что представители и первой и второй точек зрения совершенно не используют в своих построениях данные археологии, уделяя главное внимание сфрагистическим материалам (Алексеевко 1998а: 701-743).

Собственно говоря, две эти полярные точки зрения на сущность восстания, на мой взгляд, отражают происходившие события односторонне. Безусловно, нельзя прямо говорить о военном походе против Хазарского каганата, к этому времени уже не существовавшему. С другой стороны, юго-восточная Таврика с местным населением, исторически связанным с Тмутараканскими козарами, и управляемая местной тюркской администрацией, не была местной провинцией византийской империи. Повторю, что скорее всего речь идет о предоставившейся возможности ликвидировать крепнущий и все более набирающий самостоятельности реликт хазарского каганата в юго-восточной части полуострова, все менее зависимый от имперских чиновников. Очевидно с открытым противостоянием империи Византия смирилась уже не могла.

Для подавления мятежа помимо византийского отряда были привлечены русские воины, возглавлял которых Сфенг, названный в источнике братом киевского князя Владимира. По мнению специалистов, последний являлся либо варяжским воеводой в дружине Мстислава Тмутараканского, либо, что более вероятно, независимым варяжским воеводой на византийской службе (Гадло 1971: 26; Степаненко 1993: 258), возможно и посланным Владимиром по договору с Империей, как это было в случае с подавлением известного мятежа Варды Фоки. О подробностях военных действий источник умалчивает, известно лишь, что поход оказался удачным для императора Василия II (976-1025 гг.). Византийская власть на полуострове была восстановлена. Вполне возможно, что именно с этими событиями связано исчезновение археологических комплексов северо-кавказских тюрок Таврики и своеобразной материальной культуры, бывшей археологическим эквивалентом Крымской Хазарии второй половины X — начала XI вв. Последняя, как мы попытались показать выше, была оригинальным реликтом каганата в юго-восточной части Таврики, номинально подчиненной Византийской империи. Видимо, часть местного население вынуждена была, так же как в свое время и праболгары, в спешке бежать, часть осталась на полуострове, послужив одной из составляющих при формировании этнически сложного населения средневековой византийской Таврики XI — XIII вв.

Выше уже отмечалось, что в решении вопроса о сущности и исторических последствиях

восстания Георгия Цуло в Крыму совершенно не используются данные археологии. И как указывалось, эта проблема напрямую связана с вопросом о верхней хронологической дате существования рассматриваемой материальной культуры, сменяющей в юго-восточном и южном Крыму салтово-маяцкую.

Сразу отметим, что археологического материала пока недостаточно. Однако в жилых комплексах Сугдеи обнаружено несколько византийских монет второй половины X в. Это, например, анонимный фоллис класса А-II времени правления Иоанна Цимисхия (Толстой 1991: 139, табл. 79, 7/1). Подобные монеты обнаружены и в закрытых комплексах Партенит (Паршина 1991: 88). К сожалению, данный нумизматический материал позволяет констатировать лишь то, что памятники, оставленные северо-кавказскими тюрками, переселившимися в Крым, функционировали во второй половине X в. Уточнить верхнюю хронологическую границу позволяют данные стратиграфических наблюдений, проведенных во время раскопок в портовой части Сугдеи на территории раннесредневекового городища (раскоп III М.А. Фронджуло). Стратиграфические разрезы показывают, что византийские объекты второй половины XI — XII вв. и связанные с ними культурные горизонты перекрывают слои, содержащие археологический материал, принадлежащий северо-кавказским тюркам, переселившимся в Крым, без стерильной прослойки. Особо необходимо подчеркнуть, что иногда они разделены слоем пожара толщиной 5-10 см (Джанов, Майко 1998). В этой связи отметим, что в византийских керамических комплексах Сугдеи середины XI — XII вв., содержащих амфоры с венчиком в виде «отложного воротничка» самого позднего варианта, керамика, типичная для этой культуры, представлена единичными фрагментами. Таким образом, верхней хронологической границей существования анализируемой культуры может быть первая половина, а точнее — первая четверть XI в.

Кроме этого интересную информацию содержат материалы раскопок Т.И. Макаровой на территории Боспора-Керчи. Напомним, что исследованный на этом участке квартал интересующего нас времени состоит из пяти домов, расчлененных улицами. Не вдаваясь в излишние проблемы датировки конкретного археологического материала, я считаю, что время гибели квартала датирует как археологический материал (в том числе и амфорный), так и данные нумизматики и стратиграфии. Сама исследовательница отмечает, что объекты гибнут в слое пожара с монетами, самая поздняя из которых может быть отнесена к началу XI в. (Макарова 1998: 363). На мой взгляд, это разрушение также связано с подавлением византийско-рускими войсками восстания Г. Цулы на Боспоре в 1015 г.

Подавление восстания было удобным поводом для Византийской империи наконец ликвидировать сложившуюся ситуацию и покончить с иллюзиями местного населения о возможности какой-либо реставрации Хазарского каганата в юго-восточной части полуострова. Вероятно, вско-

ре была ликвидирована и фема в Сугдее, в ней отпала необходимость и она была просто соединена с фемой Херсона. Об этом свидетельствует известная надпись 1059 г. патрикия Льва Алиата, именуемого в ней стратигом Херсона и Сугдеи одновременно (Латышев 1896: 16-18).

ЛИТЕРАТУРА

- Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Мыц В.Л., Татарцев С.В., Тесленко И.Б., Семин С.В. 1994. Исследования крепости Алустан // АИК 1993 г. Симферополь.
- Айбабин А.И. 1975. Погребение хазарского воина // СА №3.
- Айбабин А.И. 1997. Крым под властью Хазарского каганата // Международная конференция «Византия и Крым». Тез. докл. Симферополь.
- Айбабин А.И. 1999а. Проблемы этнической истории средневекового Крыма // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь.
- Айбабин А.И. 1999б. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Алексеев Н.А. 1995. Новые находки моливодов рода Цулы из Херсонеса // Древности.-Т.2. Харьков.
- Алексеев Н.А. 1998а. Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X в. // Херсонесский сборник. Вып. IX. Севастополь.
- Алексеев Н.А. 1998б. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX-XI вв. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь.
- Андреев А.Р. 1997. История Крыма. М.
- Андрощук Ф. 1999. Древнерусские вещи Швеции (попытка предварительной оценки) // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М.
- Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.
- Ачкинази И.В. 1994. Об иудейских памятниках конца IX — начала X в. из Крыма // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье (IV-IX вв.). Симферополь.
- Ачкинази И.В. 1997. Условия формирования иудейских общин на территории Крыма в хазарский и послехазарский периоды // Византия и Крым. Тез. докл. Симферополь.
- Ачкинази И.В. 2000. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь.
- Баранов И.А. 1988. Хазары и Херсонес в VIII в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888 — 1988 гг. Тез. докл. Севастополь 1988.
- Баранов И.А. 1989. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XI — XVI вв. Ростов-на-Дону 1989.
- Баранов И.А. 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К.
- Баранов И.А. 1991. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. София.
- Баранов И.А. 1994а. Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи // АИК 1993 г. Симферополь.
- Баранов И.А. 1994б. Таврика в составе Хазарского каганата. Автореф. дис. д.и.н. К.
- Баранов И.А. 1999. Миссия Константина Философа в Крым и Хазарию // Пилигримы Крыма. Осень 98. Симферополь 1999.
- Баранов И.А., Майко В.В. 1994. Раскопки в портовом районе Судакской крепости // АИК 1993 г. Симферополь.
- Баранов И.А., Майко В.В. 1996. Деякі питання типології і технології виготовлення кухонного посуду X-XI ст. з Судака // Українське гончарство. Кн. 3. К.
- Баранов И.А., Майко В.В. 1997. Поливная керамика Сугдеи второй половины X в. // Византия и Крым. Тез. докл. Симферополь.
- Баранов И.А., Майко В.В. 2000. К вопросу о типологии столовой лощеной посуды юго-восточного Крыма второй половины X в. // Херсонесский сборник. Т. X. Севастополь.
- Баранов И.А., Майко В.В. 1999. Византийские монеты середины X в. из Сугдеи // Stratum plus. Время денег. СПб., Кишинев, Одесса. №6.
- Баранов И.А., Степанова Е.В. 1997. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. 1. Симферополь.
- Беляев С.А. 1990. Поход князя Владимира на Корсунь // ВВ. Т. 51.
- Бибиков М.В. 1976. Новые данные Тактикона Икономидиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях // Древнейшие государства на территории СССР. М.
- Богданова Н.М. 1991. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М.
- Боровський Я.С. 1992. Світогляд давніх киян. К.
- Брайчевська О.А., Михайлов П.С., Сагайдак М.А. 1993. Дослід-жендліянки Подолу по вул. Спаській у 1988-1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984 — 1989 рр. К.
- Брун Ф.К. 1884. Кто были четыре тюркские племена, которые разбили, по свидетельству Масуди, греков в 934 г. под стенами Валандара, и где находился этот город? // Труды IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани в 1877 г. Т. I. Казань.
- Бруцкус Ю.Д. 1924. Письмо хазарского еврея от X в. Новые материалы по истории южной России времен Игоря. Берлин.
- Брюсова В.Г. 1991. Поражение или победа? (О русско-византийской войне 1040-х годов) // Берега Тавриды. N 1 (16). Симферополь.
- Вихнович В.Л., Лебедев В.В. 1992. Загадка 15000 древних рукописей // МАИЭТ. Т. II. Симферополь.
- Гадло А.В. 1971. Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутараканского княжества // Проблемы истории феодальной России. Л.
- Гадло А.В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. Л.
- Гадло А.В. 1980. К истории восточной Таврики в VIII — X вв. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск.
- Гадло А.В. 1994. Этническая история Северного Кавказа X — XIII вв. Л.
- Гадло А.В. 1989. Тмутараканские этюды. II. // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 3.

Хазаро-руско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария 259

- Гадло А.В. 1990а. Тмутараканские этюды. III. // Вестник ЛГУ. Сер.2. Вып.2.
- Гадло А.В. 1990б. Тмутараканские этюды. IV. // Вестник ЛГУ. Сер.2. Вып.4.
- Гадло А.В. 1992. Тмутараканские этюды. VII. // Вестник СПбГУ. Сер.2. Вып.2.
- Гаркави А.Я. 1874. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб.
- Гаркави А.Я. 1876. По поводу известия Авраама Керченского о посольстве св. Владимира к хазарам // Известия русского археологического общества. Т. VIII. СПб.
- Герцен А.Г. 1993. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология юго-западного Крыма. Симферополь.
- Герцен А.Г. 1998. Крепость Дорос: Византийско-хазарское пограничье в Таврике // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. СПб.
- Гмыря Л.Б. 1996. Хазария и политические образования Прикаспийского Дагестана в VII — XII вв. // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). М.
- Голб Н., Прицак О. 1997. Хазаро-еврейские документы X в. Москва-Иерусалим.
- Горянов Б.Т. 1945. Византия и хазары (обзор иностранной литературы) // Исторические записки. Т.15. М.
- Грушевський М. 1914. Новий хазарський текст про війни Олега // Україна. Кн. IV. Київ.
- Гумилев Л.Н. 1993а. Древняя Русь и Великая Степь. М.
- Гумилев Л.Н. 1993б. Ритмы Евразии. М.
- Джанов А.В., Майко В.В. 1998. Византия и кочевники в юго-восточной Таврике в XI — XII вв. // Херсонесский сборник. Вып. IX. Севастополь.
- Димитров Д.Ил. 1992. Этнические и культурные связи населения северо-западного Причерноморья в эпоху раннего средневековья // *Bulgaria Pontica Medii Aevi*. Т. III. Sofia.
- Долгоруков В.С. 1975. Исследования береговой части Фанагории в 1971-1972 гг. // КСИА.-Вып. 143.
- Залеская В.Н. 1997. Западные варвары в Византийской Таврике по данным двух забытых крымских кладов // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего Отечества. Тез. докл. М. 1997.
- Златоструй. Древняя Русь X-XII вв. 1990. Состав., авторский текст, коммент. А.Г.Кузьмина, А.Ю.Карпова. М.
- Золотарев М.И., Ушаков С.В. 1997. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса (по материалам раскопок 1989-1990 гг.) // Херсонесский сборник. Вып. VIII. Севастополь 1997.
- Ивакин Г.Ю., Степаненко Л.Я. 1985. Раскопки в северо-западной части Подола в 1980-1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. К.
- Каминский В.Н. 1993. Военное дело алан Северного Кавказа // Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-кавказские исследования. Т. 1. Краснодар.
- Каминский В.Н., Каминская И.В. 1996. Новые исследования христианских храмов малых форм в Западной Алании // Историко-археологический альманах. №2. Армавир — Москва.
- Каминский В.Н., Цокур И.В. 1998. Из истории аланских племен северо-западного Кавказа // Древности Кубани. Вып.8. Краснодар.
- Караимская народная энциклопедия. 1995. Т. 1. М.
- Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей. М.
- Коковцов П.К. 1932. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.
- Кропоткин В.В. 1958. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. Т. XVIII.
- Лавровський Л.Я. 1931. Олег і Хальгу хазарського документу // Київські збірники історії і археології. Т. 1. К.
- Латышев В.В. 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.
- Лебедев В.В. 1974. К источниковедческой оценке некоторых рукописей собрания А.С. Фирковича // Доклад прочитанный в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина 11 марта 1974 г.
- Майко В.В. 1997. Крим и Северен Кавказ през периода от средата на X — до началото на XI в. (проблеми на етнокультурните връзки) // Българите в Северното Причерноморие. Т. VI. Велико Търново.
- Майко В.В. 1998а. Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом у VII — X ст. Автореф. дис. к. і.н. К.
- Майко В.В. 1998б. Поливная керамика второй половины IX — первой половины X вв. из Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь.
- Майко В.В. 1999а. Приписки на полях Крымских Библий как источник по истории юго-восточной Таврики второй половины X в. (Археологический аспект проблемы) // Пилигримы Крыма. Осень 98. Симферополь.
- Майко В.В. 1999б. Хозари у Криму в другій половині X ст. // Археологія. №2.
- Майко В.В. 1999в. Иудейские элементы в материальной культуре населения юго-восточной Таврики второй половины X в. // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков.
- Майко В.В. 1999г. К вопросу о гибели салтово-маяцкой культуры Крыма // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. М.
- Макарова Т.И. 1982. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. №4.
- Макарова Т.И. 1991. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. К.
- Макарова Т.И. 1998. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь.
- Мастыкова А.В., Гавритухин И.О., Казанский М.М. 1999. Международная конференция «Византия и Крым» (Севастополь 1997) // РА. №1.
- Минаева Т.М. 1949. Памятники эпохи раннего средневековья на Ставропольской возвышенности // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып.1. Ставрополь.
- Минорский В.Ф. 1963. История Ширвана и Дербента. М.
- Мошин В.А. 1938. Хельгу Хазарского документа // *Slavia*. Т. XV. -2.
- Мыц В.Л. 1988. Исследования Горно-Крымской экспедиции // АО 1986 г. М.
- Мыц В.Л. 1991. Укрепления Таврики X-XV вв. К.
- Мыц В.Л., Адаксина С.Б. 1999. Находки золотых византийских монет из раскопок Алустона // *Stratum plus*. Время денег. СПб.-Кишинев-Одесса. №6.
- Насонов Д.Н. 1940. Тмутаракань в истории Восточной Европы X в. // Исторические записки. №6.

- Науменко В.Е. 1997. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангула // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь.
- Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Орлов Р.С. 1999. Про час появи печенігів на території України // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. Київ-Львів.
- Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. 1978. М.
- Паршина Е.А. 1974. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодальная Таврика. К.
- Паршина Е.А. 1991. Торжище в Партепитях // Византийская Таврика. К.
- Петрухин В.Я. 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX — XI веков. М.
- Петрухин В.Я. 1998. Хазария и Русь: источник и историография // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тез. докл. СПб.
- Плетнева С.А. 1959. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. №75.
- Плетнева С.А. 1990. Хазарские проблемы в археологии // СА. №2.
- Плетнева С.А. 1996. Беспокійное соседство // Родина. №12.
- Плетнева С.А. 1997. Князь и каган // Родина. №3-4.
- Половой Н.Я. 1960. О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X в. // Записки Одесского археологического общества. Т. I (34).
- Половой Н.Я. 1961. К вопросу о первом походе Игоря // ВВ. Т. XVIII.
- Романчук А.И. 1989. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе // ВВ. Т. 50.
- Романчук А.И. 1990. Западный загородный храм // ВВ. Т. 51.
- Сагайдак М.А. 1991. Давньокіівський Поділ. К.
- Сазанов А.В. 1994. К хронологии цитадели Баклинского городища IX — XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь.
- Седикова Л.В. 1999. Отчет о раскопках терм в южном районе Херсонеса в 1999 г. // Архив КФ ИА НАНУ.
- Семенов А.И. 1997. К поискам наземных признаков поминально-погребальных сооружений раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. Харьков.
- Семин С.В. 1998. Поливные белоглиняные сосуды второй половины XIII — первой половины XIV в. из Алустана // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X — XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь.
- Соколова И.В. 1971. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. Византия и Восток. Вып. 23 (86).
- Соколова И.В. 1983. Монеты и печати византийского Херсона. Л.
- Сорокин Ю.В. 1997. К вопросу о составе лепной керамики из курганов с квадратными ровиками хазарского времени // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. Харьков.
- Срочан С.Б. 1998. Византия IV — IX веков: этюды рынка. Харьков.
- Стеланенко В.П. 1992. К истории средневековой Таврики // Византия и средневековый Крым. Барнаул.
- Стеланенко В.П. 1993. К статусу Тмутаракани в 80-90-е гг. XI в. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь.
- Стеланова Е.В. 1995. К вопросу о Судакском архиве печатей // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Екатеринбург.
- Сухобокоев О.В., Юренко С.П. 1999. Історія лівобережної України I тис. н.е. в етнокультурно-археологічному аспекті // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е. Київ-Львів.
- Талис Д.Л. 1974. Поливная керамика Баклинского городища // СА. №4.
- Талис Д.Л. 1982. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IX — IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
- Тесленко И.Б. 2000. Изображение корабля на стенке средневекового сосуда из раскопок христианского храма на северо-восточном склоне г. Аю-Даг в Крыму (на болгарском языке) // Българите в Северното Причерноморие. Т. VII. В. Тырново.
- Толочко П.П. 1990. Літописна повість про хрещення Русі // Археологія. №2.
- Толстой И.И. 1991. Византийские монеты. Вып. 10. Вступ. статья и примечания В.В. Гурулевой. Барнаул.
- Фронджуло М.А. История Восточного Крыма с V по X вв. (рукопись).
- Хвольсон Д.А. 1866. Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма... СПб.
- Цукерман К. 1996. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и ранее новое время. М.
- Цукерман К. 1997. Венгры в Крыму // Византия и Крым. Тез. докл. Симферополь.
- Цукерман К. 1998а. Венгры в стране Ливедии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 г. // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь.
- Цукерман К. 1998б. Страна Азия Константина Багрянородного и Азия Кембриджского Анонима // Скифы, хазары, славяне, Древняя Русь. СПб.
- Шишман С. 1993. Караимы Византии // Бюллетень. Этюды о караимах. Т. 3.
- Юрочкин В.Ю. 1994. Постройка раннехазарского горизонта города Боспора // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV — IX вв.). Секция охраны памятников археологии. Симферополь.
- Юрочкин В.Ю. 1997а. Новые находки древнерусской керамики в Крыму // Проблемы греческой культуры. Симферополь.
- Юрочкин В.Ю. 1997б. Этнические компоненты населения Крыма IV — X вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Якобсон А.Л. 1950. Раскопки средневековых слоев Херсонеса // КСИА. Вып. XXXV.
- Якобсон А.Л. 1970. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. №168.
- Якобсон А.Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.
- Ajbabin A. 1959. Peceneghi e Polovcy in Crimea // Dal Mille al Mille. Tezore e popoli dal Mar Nero. Milano: Elekta.
- Ankori Zvi. 1959. Karaites in Bizantium. The formative years, 970-1110. New-York. Columbia university press.
- Georgius Cedrinus. 1838-1839. Joannis Scylitzae ope ab J.Bekkeri suppletus et emendatus. I, II. Bonnae. Golb N., Pritsak O. 1982. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca-London.
- Joannis Scylitzae 1973. Synopsis Historiarum // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 5.

Хазаро-руско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария 261

- Mosin V. 1931. Les Khazares et les Byzantins d'après le Anonyme de Cambridge // Byzantion. VI. Bruxelles.
- Oikonomides N. 1972. Les listes de presence Byzantines des IX et X siecles. Paris.
- Sazanov A. 1996. Les niveaux de la premiere moitie du XI e siecle a Kerch (Crimee) // Anatolia Antiqua. IV.
- Schechter S. 1912. An Unknown Khazar Document // The Jewish Quarterly Review. New Series. T.III. 2.
- Zuckerman C. 1995. On the date of the khazars conversion to judaism and the chronology of the kings the Rus Oleg and Igor // Revue des Etudes Byzantines. T. 53.